

ПРОЛЕТАРСКИЙ ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗМ

ежемесячная марксистская газета

№ 112, январь 2024

ЕВРОПА В ВОЙНАХ КРИЗИСА ПОРЯДКА

«Проблемы, связанные с Ближним Востоком, лучше известны в Париже и Лондоне, чем в Вашингтоне. В отношении религиозных и политических сил в регионе Франция и Англия имеют опыт многих поколений. Аналогичным образом, Мадрид обладает ещё более глубоким, хотя и ограниченным, пониманием арабского менталитета. Тем не менее, или скорее именно поэтому ни одно европейское правительство, не говоря уже о Европейском сообществе, никогда не заявляло, что Запад может предложить решение ближневосточной проблемы. Европа знает, что последним гарантом прочного мира в большей части региона было правление Османской империи, но она также знает, что такое правление было бы столь же морально несостоятельным сегодня, сколь и неисполнимым на практике. Две великие административные державы, Османская и Габсбургская, были окончательно разрушены Первой мировой войной, и любые притязания на осуществление подобной власти над Ближним и Средним Востоком или Балканами сегодня – всего лишь выдача желаемого за действительное».

Это было написано Гельмутом Шмидтом в мемуарах "Menschen & Mächte" ("Люди и силы") опубликованных в 1987 году. Он – историческая фигура немецкой политики: был министром обороны и министром финансов и, наконец, канцлером с 1974 по 1982 год.

Шмидт яростно критикует политику США в этом регионе, которую проводил Джимми Картер и его советник по безопасности Збигнев Бжезинский, и в целом «наивный оптимизм» американской политической культуры исключительности.

После войны 1973 года умиротворение между Каиром и Тель-Авивом, кульминацией которого стал визит Анвара Садата в израильский парламент в 1977 году и Кэмп-Дэвидские соглашения сентября 1978 года, по мнению Шмидта, было несбалансированным в пользу Израиля и оставило Египет в «тяжёлой изоляции» по отношению к другим арабским и мусульманским державам. Ощущение опасности вокруг Садата, убитого в 1981 году, было заметно сразу.

В Иране Вашингтон полагался исключительно на Резу Пехлеви. Взрыв нефтяных доходов подтолкнул его к «несвоевременному процессу индустриализации», заставив страну создавать предприятия, «превышающие её реальные возможности», в то время как оппозиция была «жестко подавлена». Когда в январе 1979 года шах покинул Иран и монархию сменил режим аятоллы Рухоллы Хомейни, США внезапно пришлось «полностью пересмотреть свою средневосточную стратегию», ища новые точки опоры.

Страхи, вызванные вторжением СССР в Афганистан в декабре 1979 года, «обернулись в пользу США», но и здесь реакция администрации Картера была, по мнению Шмидта, «несвоевременной», с претензией наказать Москву, «не имея, однако, ни соответствующих средств, ни одобрения стран-союзников».

США упрощённо называли «международным терроризмом» любые действия палестинцев против израильской военной оккупации и не знали «исторических традиций и религиозного менталитета», из которых истекает исламистский экстремизм; американская перспектива, «грандиозно паря» над клубком этнических, религиозных и экономических противоречий, была вынуждена игнорировать, что «регион между Кипром и Курдистаном, между Голубым Нилом и Хайберским перевалом – это плавильный котёл серьёзных нерешённых и неразрешимых проблем».

Европейские правительства не вмешивались в политику Генри Киссинджера, Картера и Рональда Рейгана в регионе «хотя бы потому, что у них не было необходимых военных и экономических

средств»; однако они с опаской следили за «непоследовательной и отчасти недалёковидной политикой Вашингтона». С другой стороны, влияние Москвы уже нельзя было полностью устранить, поэтому европейцы должны были стремиться к её сдерживанию, «при этом сохраняя определённые оговорки». Последствия расширения конфликта или взрыва в регионе, кроме того, тревожили и Кремль, «где страх перед терроризмом [был] равен тому, который испытывал Белый дом».

Европейцы были «в основном согласны с США»; они знали, что «должны рассчитывать на поддержку Вашингтона в отстаивании своих жизненно важных интересов», а тот, в свою очередь, «должен был знать, что нуждается в

европейской помощи». Но в силу исторического опыта «европейцы сохраняли определённую дистанцию по отношению к американской политике, которая часто была нестабильной и в основном основывалась на надеждах».

В заключение отметим, что Шмидт обосновывает игру Европы вторым номером в этом регионе тем, что у неё в силу военно-политической ограниченности не оставалось иных вариантов. Это было постоянной чертой его стратегического мышления, причём не только на средневосточной шахматной доске.

(продолжение на стр. 2)

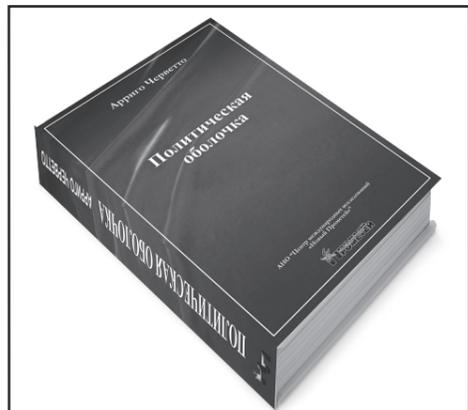
Lotta comunista, декабрь 2023 г.

Содержание

ЕВРОПА В ВОЙНАХ КРИЗИСА ПОРЯДКА	стр. 1
Украина и Газа в политическом и социальном цикле Европы	стр. 2-3
Экологизм нефтепромышленников	стр. 4
<i>Европейские хроники</i>	
Европейская империалистическая политика в сфере иммиграции	стр. 5
<i>Российские хроники</i>	
Иллюзорный успех хитрого плана	стр. 6
<i>Крупные группы российского империализма</i>	
“НОВАТЭК”: инструмент глобальной энергетической стратегии Кремля ..	стр. 7
<i>Издательская новинка</i>	
Политические цифры баланса сил	стр.8-9
<i>Хроники Шёлкового пути</i>	
Индия, Китай и война в Газе	стр. 10
<i>Борьба рабочих в мире: UAW против Большой тройки</i>	
Хроника трудового конфликта	стр.11
<i>Космическая отрасль в Азии</i>	
Индийский след на южном полюсе Луны	стр.12
<i>Страницы истории рабочего движения</i>	
Энгельс и кризис конца века	стр.13
<i>Борьба с коронавирусом</i>	
Прискорбное состояние здравоохранения	стр. 14
Раймондо и Салливан между банкирами и “средним классом”	стр. 15
Призывная повестка	стр. 16
Суть момента	стр. 16

Атом и индустриализация науки

Учёные и шпионы охотятся за тяжёлой водой	стр. I
Уран из Бельгийского Конго для первых атомных бомб	стр. II
Энергетика и атомная бомба в немецких проектах	стр. III
Пьер и Мария Кюри	стр. IV

Арриго Черветто

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ОБОЛОЧКА

326 страниц, мягкий переплёт, примечания, биографический справочник, алфавитный указатель.

ISBN: 978-2-912639-28-8

Цена 250 руб.

Украина и Газа в политическом

(начало на стр. 1)

Спустя почти сорок лет после обвинительного заключения бывшего социал-демократического канцлера, баланс остаётся двойственным. С одной стороны, суждение о *непостоянстве* и *недальновидности* американской политики принадлежит не только Шмидту. Мао Цзэдун считал, что американские затруднения в ведении «долгих войн» должны были быть частью китайского стратегического расчёта; он советовал вьетнамскому руководству в 1968 году упорно сопротивляться, потому что в конце концов внутренняя конфронтация в Вашингтоне выведет на поверхность фракции, выступающие против «продолжения войны». Киссинджер в своём обзоре стратегии США в книге «Мировой порядок» приходит к выводу, что Вашингтон трижды за два поколения не смог завершить свои войны в Азии и на Среднем Востоке из-за неспособности поддерживать внутренний консенсус в течение достаточно долгого времени.

Тот же Джо Байден в начале войны в Газе предупредил премьер-министра Израиля Биньямина Нетаньяху, чтобы тот «не повторял ошибок», которые Вашингтон совершил после 11 сентября, именно в ходе интервенций в Афганистан и Ирак. В Кабуле Вашингтон после двадцати лет вернул правление талибам с непродуманным выводом войск, бросив на произвол судьбы течения и население, которые его поддерживали. В Багдаде армия и государственные структуры Саддама Хусейна были распущены без подготовки альтернативы, в результате чего правительство оказалось в руках проиранских шиитских группировок, а суннитские присоединились к ИГИЛ. Нельзя сказать, что многие из этих ситуаций не были известны американским руководителям; дело в том, что Соединённые Штаты часто верили, что смогут преодолеть вековые разломы и традиции с помощью огромных экономических или военных ресурсов, а затем разочаровывались в связи с тем, что внутри страны трудно сохранять стратегическое терпение, необходимое для их внешнеполитического действия. Отсюда понятие *усталость* от войны, которое так часто возвращается в американские дебаты.

С другой стороны, даже несмотря на непоследовательность и непредвиденные результаты, нельзя сводить империалистическую проекцию США к субъективистской карикатуре череды ошибок. Остаётся верным, что, когда всё сказано и сделано, объективное соотношение сил в балансе держав не может не иметь веса и что мифы и идеологии американской *исключительности* были *ложным сознанием*, с помощью которого долгосрочные стратегические тенденции прокладывали себе путь.

В образах холодной войны Америка, конечно, могла представить себя паладином свободного мира перед лицом тоталитарной угрозы со стороны СССР, несмотря на то что Берлин в 1953 году, Будапешт в 1956-м и Прага в 1968-м показали глубокую слабость Москвы, с трудом удерживающей даже свою ближайшую сферу влияния. И всё же в этом действительно *ложном* сознании жизненно важно противостояние двух сверхдержав Вашингтон и Москва поддерживали раскол европейского империализма, а США предотвращали или, по край-

ней мере, препятствовали сближению Европы и СССР.

В Азии эта вера в экзистенциальное столкновение между двумя блоками вылилась в теорию доминирования. Не обращая внимания на растущие разногласия между Китаем и СССР и игнорируя национальный характер требований Вьетнама, США развязали кровавую войну в Индокитае, возмущая, что если падёт Сайгон, то за ним, как костяшки домино, одна за другой последуют все остальные азиатские столицы. И всё же, пусть и ценой разрушительного конфликта, который подорвал внутренний консенсус в Вашингтоне настолько, что смёл Ричарда Никсона в Уотергейте, Соединённые Штаты намеревались этой войной предотвратить слияние восстановленной промышленной мощи Японии с потенциалом демографического масштаба Китая. Никто иной как Киссинджер, сформировав в 1971 году фактический альянс с Китаем, выстроил игру баланса, которая позволила Пекину достичь империалистической стадии, не позволив Токио создать свою собственную эксклюзивную сферу влияния в Азии. Подтверждая, что *унитарный империализм*, глобальная империалистическая система, не в состоянии поддерживать стабильность порядка, сегодня приходится уравнивать умножившуюся мощь Китая. Это поднимает противостояние до уровня борьбы сил континентального масштаба, и здесь вновь появляются идеологии, представляющие Китай и Россию как *авторитарный блок*, который необходимо сдерживать во имя свободы Запада.

Что касается Среднего Востока, ставшего объектом резкой критики Шмидта, то Джулио Андреотти оценил «войну по выбору», предпринятую в 2003 году Джорджем Бушем в Персидском заливе, как типичную американскую интервенцию в «*ситуации, которую они не знают*», последствиями которой суждено сохраниться «на десятилетия». И всё же, несмотря на все противоречия и непредвиденные последствия, с которыми США пришли на смену старым французским и британским колониальным державам, Вашингтон до сих пор преуспел в достижении цели, провозглашённой в 1980 году доктриной Картера, – предотвратить враждебный контроль над регионом и *энергетической артерией Персидского залива*.

Однако на протяжении как минимум двух последних десятилетий сама интервенция в Ирак ставит вопрос о том, способны ли США одними своими силами обеспечить безопасность средневосточных *открытых дверей* и как они смогут справиться с растущим влиянием Китая. В целом, в отношениях на глобальной шахматной доске США впервые со времён второй мировой войны столкнулись с экономически и стратегически сильной державой, способной бросить вызов старому порядку. И они находятся в *многополярной динамике* такое состояние глобального баланса, с которым больше нельзя справиться методом проб и ошибок, потому что сегодня есть другие игроки, прежде всего Пекин, способные воспользоваться этим.

Каковы последствия для Европы, выявленные *кризисом порядка*? Во-первых, *война в Газе* и в некоторой степени *Украинская война* с пророссийской фрондой Венгрии подтвердили, что

ЕС очень трудно централизовать эффективную позицию в политических рамках, требуемых противостоянием. Не будем вдаваться в обсуждение инициатив по реформированию договоров, где повторяется предложение распространить в Европейском совете мажоритарное голосование на вопросы обороны и внешней политики: это будет темой предстоящих европейских выборов и планов будущей Еврокомиссии. Можно сделать замечание о дисфункции, которую демонстрируют противоречивые действия двух высших фигур Союза – председателя Комиссии Урсулы фон дер Ляйен и председателя Совета Шарля Мишеля. Хорошо известно, что без каких-либо изменений в договорах эти два поста может занимать один и тот же человек; это демонстрирует, что централизация общего голоса является вопросом политического, а не юридически-институционального решения. С другой стороны, можно предположить, что единая фигура, совмещающая председательство в Комиссии и Совете, получит такое влияние, что государство не согласится на это без уравнивания. Что касается внешней и оборонной политики, то трудно представить себе единое председательство без противовеса в виде Европейского совета безопасности, который фигурирует во многих предложениях по реформе договора.

Во-вторых, констатация политического запаздывания Европы, безусловно, может сочетаться с оценкой Шмидта об игре вторым номером, которую ЕС может использовать в противовес американским действиям. Однако и в этом случае кризис порядка, главным гарантом которого являются Соединённые Штаты, имеет большое значение. В новых особенностях противостояния с его ускоренными темпами, а также в стратегических последствиях относительного американского упадка, маргинальность и эффективность европейской тактики также сокращаются или, по крайней мере, трансформируются.

Можно вспомнить о двух направлениях влияния европейского империализма в его ближнем зарубежье. На Востоке *атлантический момент*, вызванный украинской войной, подорвал европейскую политику в отношении России и отменил пятидесятилетие немецкой *Ostpolitik*, основанной на обмене газа и капиталов. Берлин даже пережил настоящий акт войны, с атакой на газопровод «Северный поток – 2», без какой-либо видимой реакции. Оставит ли возможный спад *атлантического момента* место для европейской инициативы, путём перевооружения и влияния на Украину, опосредованного началом процесса вступления в ЕС? Посмотрим; между Европой и Россией по-прежнему лежит пропасть, которая будет тяготить долгие годы.

Что касается южного фронта, то Франция потерпела неудачу на своём африканском направлении, не вызвав при этом настоящих европейских стратегических дебатов, хотя события в Сахеле демонстрируют, что одной национальной мощи Парижа уже недостаточно для удержания позиций. На южном берегу Средиземного моря, в Ливии и Сирии, обновились или укрепились Турция и Россия, а Китай и Индия вступают в региональную игру. И здесь, если игра ЕС вторым номером сведётся к пассивности, навязанной вну-

тренним расколом, стратегический ущерб может стать необратимым.

Несколько лет назад в заключении к книге «Реакционный терроризм, империалистический европеизм, коммунистический интернационализм» мы уже рассматривали «*гипотезу, выработанную в марксистской лаборатории*», выдвинутую Арриго Черветто в отношении «*варианта Zollverein для Среднего Востока*». Поводом послужил мир между Египтом и Израилем, о котором Садат театрально объявил в ноябре 1977 года, произнеся речь в Кнессете, израильском парламенте. С крахом после четырёх войн «*прусского варианта*» – военного объединения региона – можно ли было предположить, что вокруг оси Египет – Израиль возникнет «*зона свободной торговли за счёт саудовско-иранских капиталов, израильских менеджеров, разложения пятидесятиmillionного крестьянства Египта и Судана*»? В соотношении сил в этом регионе Иран и Саудовская Аравия по-прежнему имели бы «*решающие*»¹ значение, – таков был вывод Черветто.

С годами формула «*общего средневосточного рынка*» несколько раз становилась одной из тем израильского политического противостояния. Это был проект Шимона Переса, несколько раз занимавшего пост премьер-министра от Партии труда («Авода») и министра иностранных дел в правительстве Ицхака Рабина во время подписания соглашений в Осло, который именно на основе этого мирного процесса выдвинул гипотезу «*общего рынка*» по образцу Общего европейского рынка и Европейского экономического сообщества (ЕЭС). Таким же было, согласно египетской газете «Аль-Ахрам», предложение бывшего премьер-министра Яира Лапида на выборах в ноябре 2022 года, если бы его коалиция победила «Ликуд» Нетаньяху.

По мнению «Аль-Ахрам», предложение Лапида противостояло линии «Большого Израиля»; решение израильско-палестинского конфликта на основе «*двух государств*» сделало бы возможной «*иордано-палестинскую конфедерацию*», которая могла бы присоединиться к проекту средневосточного общего рынка. Тель-Авив, имеющий «*высокотехнологичные возможности*», смог бы преодолеть ограничения, связанную с «*узостью израильского рынка*»; Израиль мог бы стать «*двигателем общего рынка так же, как партнёрство между Францией и Германией стало двигателем Общего европейского рынка, ЕЭС, а затем и ЕС*».

Мы отмечаем, что перспектива распространения Соглашений Авраама на Саудовскую Аравию также является частью регионального измерения, но в оптике конкуренции с влиянием китайского *Шёлкового пути*; финансы нефтемонархий Персидского залива должны поддержать *Хлопковый путь*, коридор ИМЕС, заявленный на Большой двадцатке, а также портовые и инфраструктурные проекты, которые соединят Средиземноморье с Индией. Мы также отметим, что для фракции Нетаньяху план не включал формулу «*двух государств*», которая должна была быть предложена палестинцам, и что, согласно намерениям, приписываемым администрации США, в региональном балансе эта инициатива усилила бы Саудовскую Аравию за счёт Ирана.

В конце сентября, за несколько дней до террористического нападения ХА-

И социальном цикле Европы

МАС на израильские кибуцы и войны в Газе, Кристиан Лагард выступила на «средиземноморских встречах», проходивших в Марселе с участием Папы римского Бергольо. Президент ЕЦБ осудила ослабление связей между северным и южным берегами Средиземноморья и выступила за новую интеграцию, в том числе в ответ на «новую геополитическую эпоху», когда «географическая близость, промышленный потенциал и молодая рабочая сила» делают южный берег кандидатом на «nearshoring» и «friendshoring»², перераспределение производственных цепочек, которое сопровождается «усилением конкуренции между великими державами».

Похоже, мы видим два направления региональной интеграции, одно из которых более европейское, а другое исходит из американо-саудовской инициативы; они могут сходить или конкурировать. Факт остаётся фактом: исключение Ирана, с оставлением палестинского вопроса на усмотрение Тегерана и его клиентов, является одним из факторов, вызвавших террористическую инициативу ХАМАС и ускоривших войну в Газе.

Неужели планы США, которые оказались настолько перекошенными в направлении достижения взаимопонимания между Израилем и саудитами, должны ассоциироваться с американским «наивным оптимизмом», критикуемым Шмидтом?

Подозревать, что это так, заставляют тезисы советника по безопасности Джейка Салливана за несколько дней до войны, когда он утверждал, что Средний Восток «никогда не был таким мирным за последние два десятилетия». С этим согласен Эмиль Хоккайем из Международного института стратегических исследований (IISS) в Лондоне, который говорит, что региональные дебаты до 7 октября были захвачены «гипнотизирующей возможностью» нормализации отношений между Израилем и Саудовской Аравией при содействии США. Вашингтон сосредоточился на «экономической региональной интеграции», но возможность «региональной дэскалации» перемещалась между «успокоением» и «желанием», игнорируя или недооценивая постоянство конфликта.

Если и есть место для европейской инициативы, можно сделать вывод, то она, в конвергенции с Китаем, могла бы касаться роли Тегерана: по мнению многих, включая *The Economist*, Иран хотел бы занять место за столом региональных переговоров. Именно в отношении Ирана, продвигая СВПД о ядерной программе, ЕС проявил инициативу, втянув в него противодействующий этому Вашингтон. Подтверждением противодействия является тот факт, что впоследствии Дональд Трамп денонсировал договор.

Вопрос осложняется кризисом в Красном море, где нападения на суда из Йемена со стороны шиитских и проиранских хуситов могут вызвать третий фронт войны, наряду с Газой и южным Ливаном. Американская инициатива «Хранитель процветания», предусматривающая создание военно-морских сил для защиты маршрутов, движется по острию ножа возможной эскалации конфликта с Ираном, от которого всё больше дистанцируются в ЕС, начиная с Франции и Испании. Очевидно, что даже игра вторым номером со стороны Европы требует тактических дози-

ровок и модуляций, которые должны быть сведены в скоординированную общую политику: действовать без определённого порядка или просто отстранённо сопровождать американские линии, описанные Шмидтом, стало недостаточно.

Давайте перейдём к вопросу Европы и украинской войны. Появились признаки отлива атлантического момента, вызванного конфликтом. Ян Бреммер, аналитик Eurasia Group, пишет в *Financial Times* о том, что «пик НАТО» и «пик трансатлантического выравнивания» преодолены.

С различными оттенками, начиная с *Zeitenwende*, «смены эпохи», объявленной Олафом Шольцем в начале войны, вопрос о немецком и европейском перевооружении стал с большой осторожностью обсуждаться в Германии. Одна тема – восстановление германских обычных сил, другая – расширение зонтика французских *force de frappe*³ для гарантии Европы, опять же в качестве дополнения к американскому ядерному сдерживанию в рамках НАТО.

Политические дебаты, и уже не только в СМИ или ограниченные исследовательскими центрами, ориентированы по всей Европе двумя результатами войны – политико-стратегическими и военными. Во-первых, возвращает ребус о надёжности обязательств США перед Атлантическим альянсом. Этот вопрос открыто обсуждался в начале президентства Трампа, сегодня он вновь становится предметом дискуссий перед лицом вполне реальной гипотезы его возвращения в Белый дом. По правде говоря, этот вопрос уже окрашен атмосферой сомнений на последнем отрезке президентства демократов. Байден сталкивается с трудностями в получении от Конгресса одобрения финансирования Украины, Израиля и Тайваня, а столкновение фракций в преддверии праймериз охватило всю Республиканскую партию, в которой ассигнования на внешнюю политику увязли во внутренних пропагандистских проблемах, связанных с иммиграцией.

Во-вторых, конфликт на Украине зашёл в тупик окопной войны, участники которой соперничают в способности мобилизовать большие массы солдат в конфликте с обычными вооружениями. Это вновь возвращает к числу угроз для Европы возможность конфронтации с Россией и необходимость сдерживать её с помощью адекватной обычной силы – перспектива, которую крах Москвы 1989–1991 годов настолько отдалил, что в 1990-е годы продолжалось её партнёрство НАТО и даже выдвигались гипотезы о членстве России в Атлантическом альянсе. С конца 1990-х годов эти рамки уже были подорваны как войной в Косово, когда Москва прекратила координацию с Западом, защищая своё влияние на Белград, так и последующими попытками расширения НАТО. Даже договоры ДОВСЕ, которые ограничивали и регулировали развёртывание обычных вооружённых сил в Центральной Европе, подверглись критике и были перечёркнуты ходом войны.

Восстановление крупных европейских вооружённых сил касается как будущей обороны той части Украины, которая будет ассоциироваться с ЕС и НАТО, так и ответа на давление Москвы на Эстонию и Молдову, где проживают значительные русские меньшинства. В этом смысле следует

трактовать инициативу эстонского премьер-министра Кайи Каллас, которая в контакте с Эммануэлем Макроном выступает за европейскую оборону, финансируемую из федерального фонда. Именно в этом смысле следует воспринимать выступления министра обороны Германии Бориса Писториуса за восстановление конвенционального сдерживания России, в котором он напоминает, что отмена призывной армии была «ошибкой».

Линия Писториуса вновь отсылает к рекомендациям Шмидта. Экс-канцлер утверждал, что крупные германские и франко-германские обычные силы, несомненно, смогли бы справиться с армиями СССР. Это должно было сочетаться с распространением французской гарантии *force de frappe* на Германию как дополнительного инструмента в отношении американской гарантии в НАТО, но также и как защиты от американских колебаний и перебоев.

Шмидт также считал стратегию НАТО ошибочной, о чём писал в 1990 году в книге «Die Deutschen und ihre Nachbarn» («Немцы и их соседи»). Эта стратегия недооценивала германские и потенциально франко-германские обычные силы и переоценивала силы СССР и Варшавского договора. Обычные силы стран-членов договора в Восточной Европе в стратегических оценках НАТО прибавлялись к силам России, тогда как их следовало бы вычитать: часть аппарата СССР в этих странах предназначалась для контроля над этой сферой влияния, а не для наступательных целей в отношении Запада.

С точки зрения Шмидта, как следствие недооценки баланса обычных сил, стратегия *гибкого ответа* НАТО предусматривала использование тактического атомного оружия против российского нападения – гипотеза, которую бывший канцлер считал аномальной, поскольку она превратила бы Германию в поле ядерного столкновения.

Следует задуматься о том, как сочетание двух итогов войны – неопределённости в отношении американских обязательств и возвращения российской конвенциональной угрозы – повлияет на европейские течения, начиная с более откровенно атлантических. Реакцией Рейнской Европы на *атлантический момент*, привнесённый войной, и смещение центра тяжести Атлантического альянса в Польшу и Северную Европу было попыткой сделать хорошую мину при плохой игре, запустив перевооружение, которое сталкивается с недоверием и трениями даже в промышленных альянсах основных групп военного производства. Возможный откат *атлантического момента* как следствие американской усталости или новой фибрилляции Трампа может привести к тому, что внимание вернётся к встречной страховке *европейской обороны*. Смена правительства в Польше может пойти в том же направлении: хотя и в условиях неизвестности существования с враждебным президентом, появление коалиции, собранной вокруг Дональда Туска – опять же в евроатлантических рамках – может вернуть внимание к Европейскому союзу и франко-германской оси.

Каковы обозримые сроки для такого стратегического курса? Американская позиция станет определяющей в течение года, после избрания нового президента. Процесс вступления

Украины в ЕС, при условии, что он не съедет на мель, займёт не менее десяти лет. Кристиан Мёллинг из DGAP, немецкого института внешней политики, в своём исследовании «Fragile Sicherheit» («Хрупкая безопасность»), считает, что России потребуется от шести до десяти лет на восстановление своих сухопутных войск после окончания украинской войны. Писториус, в интервью газете *Welt*, говорит, что понадобятся пять-восемь лет «на то, чтобы наверстать упущенное как в армии, так и в промышленности и обществе». В качестве способа приблизиться к восстановлению массового призыва министр обороны рассматривает «шведскую модель» – сочетание всеобщего призыва молодёжи и добровольного призыва. Газета *Frankfurter Allgemeine Zeitung* пишет, что ещё нет понимания, что придётся делать выбор между соцобеспечением и военными расходами.

Станет ли это знаком нового политического и социального цикла в кризисе порядка? Этот вопрос будет обсуждаться по всей Европе.

Lotta comunista, декабрь 2023 г.

1 – Реакционный терроризм, империалистический европеизм, коммунистический интернационализм. СПб.: АНО «ЦМИ «Новый Прометей», 2018. С. 218.

2 – Перемещение производства и в целом бизнеса в первом случае в ближнее зарубежье, а во втором – в «дружественные» страны.

3 – Сил сдерживания.

Стеклов Ю.М.

**Первый интернационал:
Международное товарищество
рабочих. 1864-1872**

512 стр., твёрдый переплёт,
издание дополнено предисловием
издателя, биографией автора,
приложением из документов
Первого Интернационала,
работ К. Маркса и Ф. Энгельса,
относящихся к данной тематике,
а также статьёй Д.Б. Рязанова
«Международное товарищество
рабочих. I. Возникновение первого
Интернационала»

(из книги: *Архив К. Маркса и
Ф. Энгельса, кн. 1, М., 1924*),
хронологией, фотографиями,
биографическим справочником,
перечнем упомянутых в книге
периодических изданий
и примечаниями.

ISBN 978-5-9905528-1-4

Цена 450 руб.

ЭКОЛОГИЗМ НЕФТЕПРОМЫШЛЕННИКОВ

Конференция ООН по климату (COP28), проходившая в дубайском Expo City и собравшая около 90 тыс. делегатов, официальных лиц и лоббистов из 198 стран, завершилась 12 декабря документом, который одни назвали «историческим», другие – «началом конца ископаемого топлива», а третьи – хартией «ложных обещаний».

Можно ли было поверить в дебаты по вопросам изменения климата и ликвидации ископаемого топлива, прошедшие в присутствии тысяч лоббистов нефтяных государств в одной из столиц ОПЕК под председательством Султана Аль-Джабера, министра промышленности ОАЭ, а также президента Abu Dhabi National Oil Co из всё тех же ОАЭ, седьмой в мире нефтяной державы по запасам этого углеводорода, которую BBC обвинила в желании использовать конференцию для обеспечения нефтяных контрактов с остальным миром?

Из Катовице в Дубай

Есть второй вопрос: зачем генералы капитала, участвующие в глобальной битве за электрическую и цифровую реструктуризацию, которая уже поглощает сотни миллиардов долларов каждый год, вкладываемых в солнечную, ветровую и атомную энергетику, производство электромобилей и батарей, добычу сырья и создание инфраструктуры, поехали в Дубай? Чтобы отказаться от доходов от нефти или всё же попытаться заполучить их в рамках торговой сделки? «Дубайский консенсус» – это ответ на два эти вопроса, а также этап глобального сражения вокруг перехода, которое продлится десятилетия.

В 2019 году, после окончания COP24 в Катовице, мы идентифицировали кампанию за «спасение планеты», начатую Парижским соглашением 2015 года, как идеологическую форму, которую приняли крупные промышленные и финансовые группы, нуждающиеся в прочном восстановлении капиталистического накопления, которое через семь лет после мирового финансового кризиса всё ещё пытается подняться. Действительным содержанием этого знамени, мобилизовавшего миллионы молодых людей, был запуск нового стратегического инвестиционного цикла – *green economy*. «Капитал носит зелёное» – таков был наш синтез этих двух моментов. Тогда мы представляли некоторые оценки объёма капитала, необходимого для запуска нового инвестиционного цикла. По оценкам МЭА (Международного энергетического агентства), только для энергетического сектора потребность составит 3,5 трлн долл. в год в течение 3 десятилетий, до 2050 года. «Куда пойдёт этот дождь из миллиардов?», – задавались мы вопросом.

Тогда Марк Карни попытался построить финансовый рынок «для перехода к миру с потеплением в 1,5 градуса». Управляющему Банку Англии удалось привлечь к участию около 900 крупнейших компаний и банков стран Большой двадцатки и 42 центральных банка. Цель заключалась в том, чтобы отдать предпочтение компаниям, которые инвестировали в *green economy*, и наказать «коричневых» инвесторов. В последующие годы несколько компаний, участвовавших в этом проекте, были обвинены в *greenwashing*: они использовали «зелёный» знак качества, но продолжали вести бизнес с компаниями, загрязняющими окружающую среду.

«Зелёные» миллиардеры в Глазго

Два года спустя, в 2021 году, на COP26 в Глазго под ударами Covid-19 и геополитической напряжённости, великий клима-

тический расклад начал скрипеть вдоль линии разлома, связанной с тем, что две крупнейшие демографические державы – Китай и Индия, а также другие «развивающиеся» страны, «предпочли» уголь. К этому добавилось давление, вызванное жёсткими сроками, установленными европейскими правительствами для закрытия угольных электростанций и прекращения производства бензиновых и дизельных автомобилей, что привело к резкому сокращению инвестиций в ископаемую энергетику. Было продемонстрировано очевидное: единый фронт всех держав, даже в частном вопросе о климатической битве, был иллюзорным. Верх взяли верх неравномерное развитие и империалистическая конкуренция.

Среди «зелёных миллиардеров» Глазго начались разногласия. Карни представил свой Net Zero Alliance (GFANZ), состоящий из 450 крупных групп с активами в 130 трлн долл. Боссы некоторых финансовых гигантов, таких как BlackRock, Blackstone, JPMorgan, Goldman Sachs, заявили, что обеспокоены ослаблением сферы нефтяных инвестиций, не компенсируемым ростом возобновляемой энергетики. Лоуренс Финк из BlackRock заявил: «Сокращение инвестиций не приведёт нас к миру с нулевым уровнем выбросов, оно только сделает его ещё хуже». Диспропорции и противоречия нарастали. Оценки финансовых потребностей «зелёного» перехода также росли. Мы приводили оценки Bank of America и *The Economist*: первый указывал на потребность в капитале в размере 5 трлн долл. в год до 2050 года, второй оценивал её в 4 трлн долл. в год в течение десятилетия 2021–2030 годов. «Кто будет финансировать эти инвестиции?», – вопрошал *The Economist*. *Financial Times* в своей колонке Lex оценила объём инвестиций в 2,5 трлн долл. в год в течение пятилетки 2021–2025 годов, 30 % из которых должны быть покрыты за счёт государства, 35 % – листинговых компаний, 17 % – финансовых учреждений, 18 % – частных лиц и семей.

Война и ископаемое топливо

Через три месяца после конференции в Глазго Россия вторглась на Украину. Санкции против Москвы и российское газовое эмбарго против Европы привели к росту мировых цен на нефть и газ. Война принесла лавину непредвиденных прибылей производителям нефти, природного и сжиженного газа из стран Персидского залива и США, укрепив их позиции. Стабильность мировых цен, достигнутая в том числе благодаря соглашению о сокращении добычи между Саудовской Аравией и Россией, подтолкнула добычу американской нефти к рекордно высокому уровню, который достиг 13,2 млн баррелей в день, и это изобилие теперь создаёт понижательное давление на цену за баррель. В то же время вырос политический прототипизм нефтяных монархий со складыванием беспрецедентного средневосточного баланса, элементами которого стали: сближение Саудовской Аравии с Ираном благодаря посредничеству Китая; подписание Соглашений Авраама между арабскими государствами и Израилем; роль Эр-Рияда, которая ещё не определена, в проекте «Хлопковый путь» – железнодорожным сообщением Индия – Ближний Восток – Европа (ИМЕС). Параллельно укрепились позиции Китая среди производителей возобновляемой энергии, несмотря на санкции, введён-

ные Дональдом Трампом и подтверждённые Белым домом Джо Байдена.

В октябрьском ежегоднике «World Energy Outlook 2023» МЭА подчёркивает ускорение гонки в сфере возобновляемых источников энергии и заявляет, что потребление всех видов ископаемого топлива достигнет своего пика к 2030 году. Сумма ископаемого топлива снизится с 80 до 73 %, если правительства выполнят свои обязательства по защите климата. На ту же тенденцию указывает октябрьский доклад ОПЕК «World Oil Outlook 2045», хотя МЭА делает больший акцент на скорость снижения квот на ископаемое сырьё. Снижение потребления будет происходить главным образом за счёт сокращения доли угля, тогда как уровни добычи нефти и газа, по данным ОПЕК, продолжат расти до 2045 года.

Миссия невыполнима?

Итоговый документ COP28 подтверждает обязательство удерживать глобальное потепление на уровне 1,5 градусов выше доиндустриальной температуры и с этой целью предусматривает сокращение выбросов на 43 % к 2030 году и на 60 % к 2035-му. Эти цели, которые должны быть достигнуты на добровольной основе, являются излюбленной мишенью скептиков. *Washington Post* напоминает, что сокращения такого масштаба происходили только во время пандемии, когда большая часть деятельности полностью остановилась. И другие количественные цели, такие как утроение глобальных мощностей возобновляемой энергетики и удвоение энергоэффективности к 2030 году, можно понять как рычаги мобилизации, которые потребуют сильных американских стимулов и субсидий.

С другой стороны, важны качественные цели, которые расширяют диапазон переходных технологий, включая те, что связаны с природным газом, ядерной энергетикой, снижением выбросов углекислого газа посредством улавливания и хранения, а также водородом, и эти цели адресованы конкретным группам собеседников, таким как двадцать стран, заявивших об открытии окна ядерной энергетике. Нефтяные монархии питают настоящую страсть к технологиям улавливания углерода, поскольку последние позволяют перенести климатическое сражение из сферы производства ископаемой энергии в сферу выбросов, возникающих в результате использования топлива, то есть с этапа добычи полезных ископаемых, на котором формируется рента монархий и где они господствуют, на этап промышленных процессов нефтепереработки, нефтехимии и сжигания, вплоть до последнего звена бытового использования.

Лексический компромисс между теми, кто хотел объявить об окончательном отказе от ископаемой энергетики, и теми, кто не хотел выходить за рамки её сокращения, с формулой «перехода» от ископаемой энергетики предполагает, что для нефтяных компаний, подобных Abu Dhabi National Oil Co, оседлавших лозунг «максимум энергии, минимум выбросов», энергетический переход – это банкет, который лучше не пропускать. Это сложный процесс, а будущий энергетический баланс неизвестен, как и время его формирования.

«Зелёные» инвестиции и финансы

По оценкам МЭА, в 2023 году общий объём инвестиций в энергетику составил 2,8 трлн долл., из которых 1 трлн долл. пришёлся на ископаемую энергети-

ку и 1,8 трлн долл. – на возобновляемые источники энергии, включая расходы на инфраструктуру. МЭА оценивает будущие инвестиции в возобновляемую энергетику в период между 2030 и 2050 годами в соответствии с тремя сценариями: если предположить, что правительства сохраняют свои официальные климатические обязательства, среднегодовой объём инвестиций составит около 2,5 трлн долл.; исходя из объявленных, но не принятых намерений, ожидается, что ежегодные инвестиции составят около 4 трлн долл.; наконец, в сценарии «нулевых чистых выбросов к 2050 году» достигаются средние инвестиции в размере около 5 трлн долл. в год.

Накануне COP28 и во время её работы возникли некоторые идеи по поиску ресурсов для поддержки перехода. Существуют две основные школы мысли.

В предложении директора-распорядителя МВФ Кристаллины Георгиевой, председателя Европейской комиссии Урсулы фон дер Ляйен и гендиректора ВТО Нгози Оконджо-Ивеалы подчёркивается центральная роль механизма установления цен на выбросы углерода, который может стать эффективным стимулом для декарбонизации и сокращения выбросов углерода, а также хорошим источником дохода для инвестиций в возобновляемые источники энергии. Существует аналогия с политикой выделения субсидий в размере 1,3 трлн долл. в год, которые сейчас выплачиваются, чтобы гарантировать потребление в эпоху ископаемого топлива, и должны быть направлены на стимулирование *green economy*. Верховный представитель ЕС по иностранным делам Жозеп Боррель вместе с европейским комиссаром по климату Вонке Хукстрой также поддержали создание рычага установления цен на выбросы углерода.

Бывший премьер-министр Великобритании Гордон Браун предложил схему финансирования энергетического перехода на Глобальном Юге, чтобы покрыть инвестиционный дефицит в 1 трлн долл. в год. Браун предлагает создать треугольник, в который войдут основные нефтедобывающие государства, которые должны самостоятельно ввести налог на чрезвычайные доходы в размере порядка 25 млрд долл.; этот капитал должен послужить базой под многомиллиардные гарантии крупнейших мировых эмитентов долговых обязательств; привлечённый капитал и выданные гарантии будут предоставлены в распоряжение Всемирного банка и многосторонних банков развития, которые тем самым смогут в четыре раза увеличить объём ресурсов для поддержки стран с низким и средним уровнем дохода. Схема Брауна была изложена в документе 58 бывших правительственных чиновников, обратившихся к председателю COP28 Аль-Джаберу с просьбой предложить «использовать часть рекордных доходов от нефти и газа» для финансирования перехода на мировом Юге.

А на Глобальном Севере проблемы для перехода создадут затраты на перевооружение. «Зелёная» реструктуризация пересекается с долговыми проблемами, из-за которых Всемирный банк назвал нынешнее десятилетие «десятилетием долгового кризиса». В 1970-е годы источником капитала для преодоления кризиса реструктуризации стала рециркуляция нефтедолларов. Посмотрим, повторится ли история, и если да, то в каких формах.

Европейские хроники

Европейская империалистическая политика в сфере иммиграции

Империалистическая демократия осуществляет плюралистическую централизацию генеральной линии буржуазии через синтез интересов различных фракций, опосредованный плюрализмом властей и опирающийся на массовую базу, формирующуюся на электоральных «опросах». Важной чертой политического цикла атлантического упадка являются трудности ключевых фракций крупного капитала в формировании коалиции и массового консенсуса в поддержку этой генеральной линии. Мы писали, что «условия, в которых европейская империалистическая демократия ассимилирует или нейтрализует новые популистские и совранистские мятёжи мелкобуржуазного социал-национального мифа, в значительной мере вскоре станут характерными чертами нового политического цикла» («Кризис социал-демократизации и баланс сил в новом политическом цикле» // Пролетарский интернационализм № 54, февраль 2019).

Одним из таких условий является новый консенсус вокруг иммиграции, – более охранительский, чем раньше, – посредством которого буржуазия пытается притянуть к генеральной линии крупной буржуазии антииммиграционные кампании, что находит всё больший резонанс среди мелкобуржуазных и промежуточных слоёв, характеризующихся собственными страхами и боящимся призрака деклассирования. Пример: благословение, данное Европейской комиссией инициативам итальянского правительства вынести на аутсорсинг в Тунис и Албанию задачу управления иммиграцией. Опираясь на критерий *еврорастворимости*, мы проанализировали, как совранизм Джорджи Мелони приспособивался к европеистской линии. Её кампания против «нелегальной иммиграции» встраивается в европейскую политику и дополняется указом, разрешающим въезд в страну 425 тыс. неевропейских рабочих до 2025 года, чтобы ответить на потребность в рабочей силе. По этому поводу мы цитировали совет *The Economist* (11.11.2023): «Показывая способность контролировать границы, правительства могут получить политическое пространство, чтобы приоткрыть двери и не проиграть выборы тем, кто хотел бы их загерметизировать». Однако проведение этой линии оказалось непростым в тех странах, где иммиграция стала одной из главных тем в электоральном соревновании.

Французские и британские мятёжи

Во Франции правительство оказалось в затруднительном положении в вопросе иммиграционного закона, принятого в последний момент при поддержке Национального объединения. Британское консервативное правительство, наоборот, сумело со скрипом преодолеть мятёж своего правого крыла против закона, призванного обойти возражения Верховного суда в отношении плана «Руанда». Этот план предполагает депортировать в африканскую страну претендентов на получение убежища. Пока что ни один самолёт не вылетел в Руанду, и мятёжные консерваторы настаивали на более жёстких

формулировках, чтобы гарантировать осуществление плана.

До этого эпизода правительство уже предложило меры по общему сокращению иммиграции. Это была реакция на политическое давление, вызванное обновлёнными данными об иммиграции за 2022 год, опубликованными в конце ноября Национальным бюро статистики (ONS). Размер чистой иммиграции, ранее оценённой в 606 тыс. человек, был пересмотрен в сторону увеличения до 745 тыс. В некотором смысле психодрама в Консервативной партии, разыгранная в декабре вокруг плана «Руанда», оказалась полезна премьер-министру Риши Сунаку, поскольку позволила отвлечь внимание от иммиграции в целом и сфокусировать дебаты вокруг «нелегальной иммиграции» людей, которые прибывают из-за Ла-Манша на маленьких судёнышках. Их доля составляет всего 4 % от 1,2 млн в 2022 году. Без иммиграции британская экономика перестала бы функционировать: согласно ONS, в Великобритании уровень безработицы составляет всего 4,3 % и более 1 млн рабочих мест на данный момент не заняты.

Если британское правительство сумело усмирить свой внутренний мятёж в декабре, то у голландского в июле этого не получилось сделать. Правительство пало, потому что ограниченные права на воссоединение семьи для заявителей на получение убежища, задуманное Народной партией за свободу и демократию (VVD) Марка Рютте и поддержанное Христианско-демократическим призывом (ХДП), оказалось неприемлемым для двух других членов коалиции. Эффект этой меры оценивался в виде сокращения иммиграции на 1–2 % (NRC.nl, 11 июля).

Голландские выборы

Рютте не участвовал в выборах, но его партия заплатила за эту неуступчивость: на голосовании 22 ноября неожиданно одержала верх Партия свободы (PVV) Герта Вилдерса. Получив 2,45 млн голосов, то есть поддержку 24 % проголосовавших и 17 % электората, эта крайне правая популистская партия теперь имеет больше всего мест в нижней палате парламента, однако титул самой крупной в абсолютных числах партии получила «партия» абсентеизма, насчитывающая 3 млн избирателей.

Вместо Рютте во главе VVD встала Дилан Йешильгёз-Зегериус, нидерландка с турко-курдскими корнями, с шести лет проживающая в Нидерландах, где её родители получили политическое убежище. После разочаровывающего электорального результата – партия потеряла почти треть голосов, набрала 15 % и сократила свой вес в парламенте с 34 до 24 депутатских кресел – Йешильгёз-Зегериус критиковала за то, что она способствовала победе Вилдерса, сконцентрировав свою кампанию на иммиграции, не исключив возможность сотрудничества с PVV. Эта гипотеза была снятием фактического санитарного кордона, установленного в 2012 году, который делал бесполезным любой голос, отданный за Вилдерса.

На данный момент продолжают попытки сформировать правительство. Для образования коалиции большинства потребуется альянс как минимум

трёх партий, а учитывая присутствие в нижней палате 15 фракций, вариантов может быть много. Тем не менее новое соотношение сил уже проявилось. В декабре большинство проголосовало за выход из политики убежища и миграции ЕС в случае модификации Европейского договора. Идея в том, чтобы принять политику «*ноль просителей убежища*», которую уже реализует социал-демократическое правительство Дании.

Вероятно, часть голландской буржуазии готова позволить себе демагогию, даже ценой ущерба в виде уменьшения числа просителей убежища, которое составляет где-то 10 % от общего числа иммигрантов в Нидерланды. Однако она не сможет обойтись без иммиграции самой по себе. Экономика, имеющая 3,6 %-ный уровень безработицы и стареющее население, испытывает большую потребность в рабочих. Согласно исследованию Центра изучения рынка труда (ROA) Университета Маастрихта, к 2028 году откроются 2,2 млн вакансий. «*Центры медицинских услуг постепенно закрываются и в дальнейшем не могут вновь открыться, магазины и рестораны закрываются раньше, поезда и автобусы отменяются, а время ожидания, к примеру, механиков и маляров увеличивается. Однако это лишь начало*». Таков комментарий крупной правой газеты *De Telegraaf* (12.12.2023).

Крутой поворот Германии

Страна, где осознание необходимости иммиграции более очевидно проявляется в публичных дебатах, – это Германия. Летом Бундестаг принял закон об иммиграции квалифицированных рабочих из-за пределов ЕС. С помощью системы баллов и упрощения административных процедур правительство надеется достичь цели привлечения 400 тыс. рабочих в год. Вице-президент либеральной партии СвДП Йоханнес Фогель объявил: «*Мы должны наконец понять, что находимся в условиях глобальной конкуренции с другими странами по привлечению наиболее ярких умов*» (*Frankfurter Allgemeine Zeitung*, 22.06.2023).

Однако с восхождением крайне правой партии «Альтернатива для Германии» (АдГ), занимающей второе место в опросах общественного мнения, даже в Берлине происходит ужесточение риторики по поводу иммиграции. Она фокусируется в основном вокруг заявителей на получение убежища и в меньшей степени вокруг иммиграции рабочей силы. С конца сентября правительство ввело контроль на некоторых границах. В конце октября канцлер от социал-демократов Олаф Шольц на первой странице *Der Spiegel* предложил изгнать «*в больших количествах*» тех, кто не имеет перспективы остаться в Германии. Позднее, в начале ноября, «*Пакт за Германию*», поддержанный ХДС/ХСС и тремя правительственными партиями, объявил о сокращении социальных выплат для беженцев. Более того, проблемы с британским планом «Руанда» и итальянским планом «Албания» не помешали ХДС/ХСС вдохновляться ими. В декабре партия предложила первую версию своей новой базовой программы, в которой под заголовком «Порядок и человечность» она предлагает рассматривать проше-

ния на получение убежища в стране за пределами ЕС. Согласно прессе, речь идёт о Гане и Руанде.

Буржуазный цинизм

Тенденции к укреплению популистских партий иногда противопоставляются польские выборы, прошедшие в октябре. Спустя 8 лет работы правительства под знаком жёстко антиевропейского и антинемецкого совранизма партия «Право и справедливость» (ПиС) утратила большинство, хотя и осталась ведущей. Тем не менее вздох облегчения в комментариях важнейших газет европейской буржуазии после формирования 13 декабря правительства Дональда Туска объясняется в основном надеждой снова увидеть в Варшаве правительство с конструктивным отношением к ЕС. Никто не надеется, что Туск станет сторонником открытия границ для мигрантов. Экс-президент Европейского совета и бывший премьер-министр Польши с 2007 по 2014 год и сам не стеснялся использовать антииммиграционную карту в своей электоральной кампании.

Буржуазия видит в иммигрантах источник прибавочной стоимости, который можно эксплуатировать или использовать в целях электоральной демагогии. Она цинично соглашается на нормализацию ксенофобии и расизма, лишь бы сохранялась её генеральная линия, которая в Европе обязательно является европеистской стратегией. Однако попытка распространить этот яд внутри рабочего класса касается нас и обязывает защититься от него стенами. Если использовать две концепции, выработанные Марксом, покуда «*класс в себе*» всех рабочих мира не станет «*классом для себя*», то есть осознающим свою историческую роль, необходимо продолжать сражение против искусственных разломов, которые буржуазия пытается навязать пролетариату, вроде различия между «*легальной*» и «*нелегальной*» иммиграцией или между религиями и между этносами.

Lotta comunista, декабрь 2023 г.

Ренато Пасторино
Беспрецедентная задача

184 страницы, мягкий переплёт,
биографический справочник

ISBN 978-5-9905528-3-8

Цена 200 руб.

Российские хроники

Иллюзорный успех хитрого плана

Империалистическая война на Украине длится почти два года. Она унесла сотни тысяч жизней, миллионы людей были вынуждены покинуть свои дома. Разрушены тысячи домов, многие населённые пункты стёрты с лица Земли. Российский империализм называет это защитой населения Донбасса и освобождением Украины от нацистов. Вспоминается едкая ирония Фридриха Энгельса: «Как «освобождает» царь? Спросите украинских крестьян, которых Екатерина тоже сперва освободила от «польского гнёта» (предлогом была религия) только для того, чтобы потом их аннексировать»¹.

Российская буржуазия прикрывает свою агрессию причудливой идеологической смесью, в которой обветшалое славянофильство с характерным для него возвышением «родной старины» и страхом по отношению к подрывающему её основы «тлетворному» влиянию Запада смешивается с антиколониальной риторикой, давая на выходе обычный социал-империализм.

Мутация панславизма

Импортированное в Россию в XVIII веке противопоставление Запада и Не-Запада (христианского и нехристианского мира) стало на протяжении двух столетий ключевой дихотомией российской внешней политики, обретя форму извечного спора западников и славянофилов. На первом этапе представители славянофильского течения не помышляли ни о каком разрыве с Европой и даже восхищались ею. При этом, как отмечает доцент факультета мировой политики МГУ Алексей Фененко, «оба течения были недружественными «германскому миру». Западники призывали брать пример с «прогрессивного Запада» – Великобритании и Франции, но не с Пруссии и Австрии, которые были для них какой-то «неправильной» Европой. Славянофилы с призывом вернуться к традициям допетровской России критиковали засилье немцев, то есть основу «Петровской революции»» (РСМД, 12 мая 2022).

Продолжавшийся на протяжении XIX века упадок империи Габсбургов трансформировал славянофильство в заимствованный из Центральной Европы панславизм. Причины этого Фененко видит в столкновении «с Берлином в борьбе за «австрийское наследство»: «Австро-германский союз 1879 г. «выдавливал» Россию из «германского мира» [...]. Ответом Петербурга стал поворот к славянофильству, перераставшему в панславизм, что создало условия для блокировки России с «западным центром» против «восточного»» (РСМД, 7 апреля 2022).

В апреле 1855 года в работе «Германия и панславизм» Энгельс обращает внимание на эволюцию панславистской идеологии. Если в момент своего зарождения панславизм «довольствовался элегиями, и главной темой его поэзии были величие прошлого, позор, несчастье и иноземный гнёт в настоящем», а «мечты о панславистской империи, диктующей законы Европе, тогда ещё едва обозначались»², то в панславизме версии 1848 года Энгельс уже видит «русский кнут»³.

Австрийский панславизм являлся чисто литературно-интеллектуальным явлением, потому что ему «не хватало

важнейших факторов для достижения успеха: массы и единства». В лице же Российской империи панславизм обрёл «центр единства и массы». Россия «начала панславистскую агитацию, опираясь на своё положение главы и покровительницы греко-православной церкви. [...] Там, где она сталкивалась со славянами, принадлежащими к римско-католической церкви, религиозная сторона вопроса опускалась, и Россия выступала только как центр притяжения для всех славян»⁴.

Капиталистическое развитие и панславизм

Наибольшего распространения панславистские идеи в России получили в период между Крымской и русско-турецкой войнами. Консервативный историк М. П. Погодин (1800–1875) в «Политических письмах» императору Николаю I изложил идею преодоления дипломатической изоляции России посредством привлечения европейских славян в качестве союзников против враждебного Запада. Попытки оседлать идеи славянского единства продолжались и в 80-е годы XIX века. Так, 6 ноября 1886 года во французской газете *Le Socialiste* была опубликована статья Энгельса «Политическое положение в Европе», в которой он, в частности, пишет: «Из Болгарии была создана русская сатрапия. Управление, офицеры и унтер-офицеры, чиновники, наконец, вся система были русскими [...]. Господства русского правительства, сначала прямого, а затем косвенного, было достаточно, чтобы менее чем за четыре года уничтожить все симпатии болгар к России [...]. Население всё больше и больше сопротивлялось наглости «освободителей»»⁵.

Поражение в Крымской войне и отмена крепостного права стали толчком к ускоренному капиталистическому развитию России, в этих условиях панславизм обрёл новое содержание. Российская буржуазия, пишет 29 сентября – 1 октября 1891 года Энгельс Августу Бебелю, «перевела панславизм на материалистический язык или, вернее, открыла его материальную основу: расширение внутреннего рынка при помощи аннексий. Отсюда славянофильский фанатизм, отсюда дикое германофобство, – ведь ещё 20 лет тому назад торговля и промышленность России были почти исключительно в руках немцев! – отсюда травля евреев. Эта подлая и невежественная, не видящая дальше своего носа буржуазия, несомненно, хочет войны и подстрекает к ней в печати»⁶.

Во время правления Александра III (1881–1894 гг.) борьба на международной арене нашла своё отражение и во внутренней политике царизма. Начались апелляции к возрождению роли православия и исконно-русских обычаев, чёрно-жёлто-белый флаг империи был заменён на триколор, которым пользовались все панславистские движения Европы. Немецкие сельскохозяйственные колонии в России всё чаще стали восприниматься в качестве «пятой колонны». В 1887 году был издан Закон об иностранцах, ограничивавший куплю и аренду земельных угодий и владений в западных областях лица, не имеющими российского подданства, они также ограничивались в пра-

вах на местном уровне и должны были платить более высокие налоги.

7 февраля 1882 года в письме Карлу Каутскому Энгельс даёт ещё одну весьма ёмкую характеристику панславизма – это «мошеннический план борьбы за мировое господство под маской несуществующей славянской национальности»⁷. Перед началом первой мировой войны, пишет Фененко, «панславизм и Антанта помирили западников и многих славянофилов» (РСМД, 9 марта 2023), объединив их в надежде на реализацию вековой мечты российско-го царизма о завоевании черноморских проливов.

Идеологии новой стратегической фазы

Сегодня на Юго-Востоке Украины мы наблюдаем кровавый закат реакционной панславистской утопии.

Восхождение Азии, в первую очередь Китая, и относительный упадок Запада в начале этого тысячелетия заставили идеологов российского империализма задуматься о «повороте на Восток». Второй тайм новой стратегической фазы с характерным для него обострением всемирного противостояния подтолкнул наиболее радикальных теоретиков нового внешнеполитического курса к смене логической конструкции «Россия – это не Запад» на более агрессивную формулу «Россия – это анти-Запад», которая начиная с 2014 года стала дополняться утверждением «Украина – это анти-Россия».

Красно-коричневая весна 2014 года на Юго-Востоке Украины являлась попыткой российского империализма использовать в своих интересах сепаратизм пророссийских фракций украинского капитала. Десятилетие спустя заигрывание Кремля с националистическими вождями стран «глобального Юга» представляет собой попытку преодолеть стратегическое одиночество, о котором писал в начале украинской войны ведущий представитель стратегической мысли российской буржуазии Андрей Картунов.

Трагедия российского западничества

Буквально накануне войны, 11 февраля 2022 года, Картунов, в то время руководитель Российского совета по международным делам (РСМД), утверждал: «Россия – це Европа». Он обращал внимание на то, что «не все отдадут себе отчёт в том, что именно Европейский союз, а вовсе не Китай в наибольшей степени заинтересован в российской модернизации».

За четыре дня до начала войны, когда правящая фракция российского капитала склонялась к официальному заявлению об аннексии Донецкой и Луганской областей, Картунов писал: «Фактический раздел Украины будет означать окончательное оформление раскола Европы [...]. В отношении России и Запада будет внесена ясность, но это будет кристальная ясность холодного январского рассвета, когда обжигающий северный ветер перехватывает дыхание и выжимает невольные слёзы из глаз».

Прозападная часть российской буржуазии оплакивала многолетние попытки сблизиться с Европой, стать её частью. Она осознавала, что сделан-

ный Кремлём выбор в пользу военной операции на Украине стал «не только точкой невозврата в разорванных отношениях с киевской властью, но и новой точкой отсчёта в отношениях России с Западом, которые сегодня утром вступили в этап бессрочной конфронтации. [...] вызов, брошенный Кремлём Западу сегодня, более принципиален и масштабнее, чем присоединение Крыма. Поэтому и ответ Кремлю должен стать более решительным и впечатляющим», – писал 24 февраля всё тот же Картунов. По его мнению, Москва рассчитывала на то, что «западный мир уже не столь силен и не так мотивирован», а «общее соотношение сил в мировой политике и экономике меняется не в пользу Запада». При этом Картунов предупреждал Кремль: «Вовсе не факт, что главные незападные центры силы современного мира будут готовы сохранять в этом долгосрочном конфликте благожелательный по отношению к Москве нейтралитет. И это может стать ещё одной серьёзной проблемой для России, рискуя оставить её в стратегическом одиночестве». Мы охарактеризовали сделанный Кремлём выбор как стратегическую фруляцию.

Несостоявшееся украинское контрнаступление, усталость от войны на Западе с её разнообразными политико-социальными проявлениями и очередная вспышка насилия на Среднем Востоке позволили российскому правящему классу в конце прошлого года заговорить об успехе хитрого путинского плана. Время покажет. На данный момент можно говорить лишь о тактическом успехе на фронтах украинской войны. В стратегическом плане российский империализм по-прежнему находится в тупиковом положении.

Январь 2024 г.

1 – Маркс К. и Энгельс Ф. Собр. Соч. Изд. 2-е. Т. 35. С. 230.

2 – Там же. Т. 11. С. 204.

3 – Там же. Т. 6. С. 183.

4 – Там же. Т. 11. С. 206.

5 – Там же. Т. 21. С. 321.

6 – Там же. Т. 38. С. 137.

7 – Там же. Т. 35. С. 222.

Guido La Barbera

Lotta Comunista: в направлении партии-стратегии. 1953-1965

324 страницы, мягкий переплёт, биографический справочник, 9 иллюстраций по тексту.

ISBN 978-5-9905528-4-5

Цена 350 руб.

Крупные группы российского империализма

“НОВАТЭК”: инструмент глобальной энергетической стратегии Кремля

С тех пор, как американский журналист Томас Фридман в статье для *New York Times* (19.01.2007) “*A Warning From the Garden*” впервые использовал выражение “Green New Deal” (“Зелёный Новый курс”), прошло полтора десятилетия. За это время из амбициозного призыва лозунг превратился в один из реальных фронтов мирового империалистического противостояния – на сегодня свои планы по сокращению вредных выбросов в атмосферу приняли крупнейшие стратегические игроки: США, Европейский союз и Китай.

Значительное сокращение выбросов CO₂ до 2030 г. потребует ускоренного отказа от использования угля, и в этих условиях особую роль приобретает природный газ, который, как пишут аналитики Института Брейгель (*Policy Contribution Issue*. n°4. Февраль 2021) в статье “*The Geopolitics of the European Green Deal*” (“Геополитика европейского Зелёного курса”), рассматривается как «переходное» к низкоуглеродной экономике топливо.

Соглашение по итогам климатической конференции COP28 содержит обязательство по достижению нулевых выбросов за счёт «перехода от ископаемого топлива» (“Интерфакс”, 13.12.2023), и это очень показательная формулировка, т. к. в предыдущих версиях документа говорилось об отказе от ископаемого топлива, что не устраивало Саудовскую Аравию и страны ОПЕК, Россию и др. нефтеэкспортёров, а также признание, что переходные виды топлива – прежде всего, природный газ – могут сыграть роль в содействии энергопереходу, одновременно обеспечивая энергетическую безопасность.

Это открывает окно возможностей для России, не являющейся протагонистом этого перехода, но богатой природным газом и способной удовлетворить необходимость в росте его экспорта в кратко- и среднесрочной перспективе. Также энергопереход открывает сражение и в атомной энергетике, где у России есть сильные козыри.

Быстрее мира

18 февраля 2009 г. в рамках проекта “Сахалин – 2” был запущен первый в России крупнотоннажный завод по производству СПГ, а утверждённая в конце того же года “Энергетическая стратегия

России на период до 2030 года” впервые начала рассматривать СПГ как перспективный продукт, необходимый для диверсификации структуры энергетического экспорта.

С 2012 г. производство и экспорт СПГ стали ключевыми проблемами всего российского ТЭК и главным направлением работы только что созданной Комиссии по стратегическому развитию ТЭК и экологической безопасности, возглавляемой лично президентом.

В период с 2010 по 2022 г. производство СПГ в России выросло в 3 раза, совершив два крупных скачка с двузначным ростом в 2018 и 2019 гг. (см. таблицу), тогда как мировое – лишь в 1,6 раза. При этом с самого начала крупнотоннажного производства почти весь объём произведённого в России СПГ уходил на экспорт.

Инструмент энергетической стратегии

Таким образом, российский правящий класс достиг своих целей по усилению позиций на внешнем рынке в условиях ужесточения международной конкуренции за экспорт газа и риска потери доли рынка в пользу других производителей, инструментом этой стратегии и стал “НОВАТЭК”, а одним из её столпов – формула «конкуренция между российскими трубопроводным газом и СПГ исключена, они [должны] дополнять друг друга», озвученная министром энергетики Александром Новаком 3 октября 2018 г.

Действительно, анализ показывает, что СПГ поставлялся главным образом на те рынки, где доля российского трубопроводного газа сокращалась по политическим причинам (Литва, Польша, Великобритания). Таким образом СПГ “страховал” трубопроводный газ, помогая увеличить общую долю российского газа в экспорте и удерживать рынок. Но сегодня, после разрыва энергетической связи “Газпрома” и Европы, это балансирование для российского империализма упрощается, по крайней мере в ближайшей перспективе.

Кроме того, “НОВАТЭК” – это ключевой игрок Кремля в Арктическом регионе, который «становится важной точкой пересечения геэкономических и геополитических интересов крупных держав» (Московский Центр Карнеги, 27.12.2021). После того, как южная часть Северного Ледовитого океана стала пригодной для судоходства значительную часть года, появилась возможность для мореплавания и освоения природных ресурсов на шельфе и полярных территориях, откуда полезные ископаемые стало возможно вывозить морем. Россия, обладающая самой протяжённой линией арктического побережья и претендующая на значительную долю залегающих там ресурсов, не могла не отреагировать, но в силу своей финансовой и технологической слабости ей было бы невозможно реализовать строительство необходимой инфраструктуры собственными силами, а потому она была вынуждена привлечь иностранных стейкхолдеров. И здесь ключевым экономическим и политическим партнёром стал Китай, обладающий самым быстрорастущим рынком СПГ в мире и стремящийся получить новый источник газа, а также испытать

свои арктические технологии. В качестве флагманов сотрудничества двух стран выступили проекты “Ямал СПГ” и “Арктик СПГ – 2”.

Кроме стратегических соображений у Москвы были и серьёзные внутренние причины поддержать эти проекты, так как они сулили ряд экономических преимуществ: создание рабочих мест для тысяч человек; диверсификацию экспорта газа с полуострова Ямал (до этого там присутствовал лишь “Газпром”, отправлявший газ в Европу по трубопроводам), локализацию некоторых технологий; увеличение загрузки Северного морского пути.

Для работы на этом стратегическом направлении (в рамках “Арктик СПГ – 2”) в 2019 г. правительство разрешило “НОВАТЭКУ” использовать на Севморпути газовозы под иностранными флагами, что было запрещено с конца 2017 г.

Естественно, одними танкерами дело не ограничивается: в мировом энергетическом противостоянии “НОВАТЭК”, участвующий в нём по доверенности, оснастил себя целой сетью иностранных связей.

Щупальца энергетического гиганта

Вскоре после начала украинской войны киевский мозговой центр DiXi Group начал серию публикаций со зловещим названием “*Cutting The Tentacles of Russian Energy ‘Octopus’*” (“Отрезая щупальца российского энергетического спрута”). Она была предназначена для выработки практических предложений по расширению санкций, ограничивающих международное влияние энергетического сектора России.

Первый из этих докладов, выпущенный в апреле 2022 г., посвящён “НОВАТЭКУ” и подробно описывает его связи с компаниями из 16 стран (10 европейских и 6 азиатских).

В том, что касается прямых иностранных инвестиций, позиции “НОВАТЭКа” довольно слабы: на тот момент он имел долю только в одном проекте – в концессии по разведке и добыче углеводородов на 4 шельфовых блоках в Черногории (партнёр “НОВАТЭКа” и оператор проекта – итальянская Eni, доля каждой компании – 50 %).

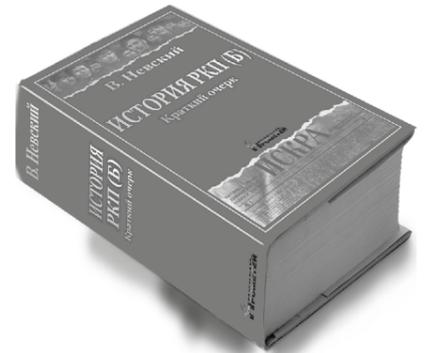
Несколько лучше обстояли дела с его инвестиционной привлекательностью. Так, по состоянию на апрель доли в проектах “НОВАТЭКа” имели: французская Total (19 % в “НОВАТЭКе”, а также 20 % в “Ямал СПГ” и 10 % в “Арктик СПГ – 2”), японский консорциум Mitsui и Jgmes (10 % в “Арктик СПГ – 2”), китайские CNPC, CNOOC (по 10 % в “Арктик СПГ – 2” каждая) и Фонд Шёлкового пути (10 % в “Арктик СПГ”). Но на сегодняшний момент французы и итальянцы приняли решение выйти из бизнесов “НОВАТЭКа”, а японцам пока удаётся лавировать, сохраняя свои доли. Неизвестно, как долго это им удастся сделать в условиях усиливающегося давления США: совсем недавно Джеффри Р. Пайатт, помощник государственного секретаря США Антони Блинкена, на слушаниях в Комитете Сената США по международным отношениям пообещал «убить» “Арктик СПГ – 2” (РБК, 8.11.2023).

В остальном связи “НОВАТЭКа” с зарубежными компаниями не носят характер “взаимопроникающих” и сводятся к приобретению им услуг в сфере

торговли, логистики, технологий, финансов, а также выпуску меморандумов.

В области технической поддержки совсем недавно французская Technip Energies была “уличена” в поставках (с августа по октябрь 2022 г.) модулей сжижения для “Арктик СПГ – 2”. Вероятно, что без теневой помощи иностранных технических компаний не обошлось и создание установок, реализующих технологию “Арктический микс”, о которой сообщила *Myśl Polska* от 4 декабря. Но с другой стороны, этот огромный комплекс техники, систем, процессов, позволяющий перерабатывать газ непосредственно на платформе, является результатом работы сотен российских предприятий и, по словам польской газеты, может дать 80 тыс. рабочих мест по всей России, из них 17 тыс. в одном только Мурманске. Пока эта гипотеза не кажется реалистичной, учитывая, что среднесписочная численность “НОВАТЭКа” на конец 2022 г. составляла менее 20 тыс. человек, но если данные польского издания достоверны, то это окажет колоссальное влияние как на саму компанию, так и на отраслевой рынок труда в целом. *Myśl Polska* считает, что уже сейчас можно констатировать «успех российских инженеров», но гораздо важнее подчеркнуть более фундаментальный аспект: техническая и экономическая мощь «таких корпораций, как “Новатэк” – частных, но в то же время полностью отождествляющих себя с интересами России», неизбежно станет оружием в руках империалистической буржуазии в её мировом противостоянии.

Декабрь 2023 г.

В. И. НЕВСКИЙ

История РКП(б). Краткий очерк.

Издательство
АНО «ЦМИ «Новый Прометей»»,
2009 804 страницы,
твёрдый переплёт,
автобиография автора,
приложения,
статьи В. И. Невского
«Ленин как материалист
в своих ранних работах»,
«Философия мёртвой реакции»,
карты, схемы и иллюстрации,
примечания, хронология,
библиография,
биографический справочник,
справочник периодических изданий

ISBN: 978-5-9901606-1-3

Цена 450 руб.

Год	Суммарное производство СПГ на заводах РФ, млн т	Рост, %
2009	5,27	–
2010	10,02	90,1
2011	10,60	5,8
2012	10,90	2,8
2013	10,83	-0,6
2014	10,70	-1,2
2015	10,80	0,9
2016	10,90	0,9
2017	11,70	7,3
2018	20,00	70,9
2019	29,50	47,5
2020	30,50	3,4
2021	30,10	-1,3
2022	32,50	8,0

Источники: Минэнерго РФ, Росстат.

Издательская новинка

Политические цИ

Из предисловия к вышедшей на итальянском языке книге Николы Капеллуто *“Crisi del debito e crisi dell'ordine”*.

Мы неоднократно определяли некоторые статистические данные и экономические прогнозы как «политические цифры». Не потому, что они ложные или зачастую оказываются ошибочными, а поскольку используются для описания лишь части реальности или формулирования одностороннего тезиса. Особо благоприятным полем для игры с политическими цифрами являются расчёты валовых внутренних продуктов (ВВП) различных стран и их долей в валовом мировом продукте (ВМП) двумя разными методами – по паритету покупательной способности (ППС) или по текущему курсу к доллару, – так как касаются именно изменения баланса сил.

С 1990 г. МВФ начал публиковать данные о ВВП по ППС, а шотландский экономист Энгас Мэддисон пытался систематизировать расчёты по ППС для измерения темпов роста и размеров национальных экономик, работая сначала в учреждениях ОЕЭС/ОЭСР в 1960-х гг., а затем в Гронингенском университете. Начиная с 1970-х гг., после прекращения действия Бреттон-Вудской системы с её фиксированными обменными курсами, потребовалось принять метод расчёта, который позволял бы избегать искажений, вызванных чрезмерно внезапными и частыми изменениями обменных курсов, и учитывать внутреннюю покупательную способность. Этот тип оценки ВВП даёт широкое представление о развитии внутренних рынков, а вкуче с некоторыми другими показателями (темпами распада крестьянства и расширения сферы наёмного труда, степенью отраслевого разделения труда) в определённой степени количественно характеризует и степень молекулярного развития капитала в странах молодого капитализма. Принятие МВФ метода расчёта по ППС также было отражением экспансионистского и инклюзивного характера нового цикла империалистического либеризма, поскольку позволяло статистически отразить и подчеркнуть ускоренный рост восходящих стран. В международной торговле, где повседневной реальностью и практикой являются операции с товарами, услугами и капиталом, осуществляемые в долларах, для сравнения стран между собой обычно используют американскую валюту по рыночным обменным курсам. Оба метода расчёта ВВП (по ППС и по обменным курсам) распространяются официальными учреждениями – Международным валютным фондом (МВФ) и Всемирным банком. Проблемы возникают не столько в ситуациях, когда результаты расчётов по двум методам просто различаются, сколько в случаях, когда они свидетельствуют о противоположных тенденциях.

Недавно берлинский мозговой центр атлантистской ориентации ECFR (Европейский совет по международным отношениям) опубликовал эссе, где сравнил ВВП Европейского союза и ВВП Соединённых Штатов за период 2008–2022 гг., выраженные в долларах по текущему обменному курсу. В этом нет ничего нового, если не считать того факта, что статья подводит статистическую базу для следующего политического тезиса: «относительный упадок» ЕС, выв-

ленный украинской войной, усилил его зависимость от США в результате «процесса вассализации», который, судя по всему, выбирает сама же Европа как наименее рискованный и наиболее удобный путь. Представленные данные демонстрируют, что в 2008 г. ВВП ЕС по текущему обменному курсу превышал ВВП США (16,2 против 14,7 трлн долл.), но в 2022 г. ВВП США преодолел уровень 25 трлн долл., превзойдя аналогичный показатель ЕС более чем на 50 %. Этот скачок кажется сенсационным и требует изучения и интерпретации, так как может показаться искажением экономической реальности.

Обратившись к данным о ВВП по ППС от МВФ, мы увидим, что за пятнадцатилетний период 2008–2022 гг. ВВП как ЕС, так и США, рос медленнее по сравнению с ВВП остального мира, но Европа потяряла больше, чем США. Если добавить данные, относящиеся к Китаю, то можно наблюдать существенные различия между результатами расчётов по этим двум методам.

ДОЛЯ В ВАЛОВОМ МИРОВОМ ПРОДУКТЕ, ВЫРАЖЕННОМ В ДОЛЛАРАХ, %

	по паритету покупательной способности ⁽¹⁾		по текущему обменному курсу ⁽²⁾	
	1990 г.	2008 г.	1990 г.	2008 г.
США	21,5	17,5	15,6	26,1
ЕС ^(27 стран)	23,5	17,4	14,9	28,4
Китай	4,0	11,8	18,5	1,6

Примечание:

1) МВФ, “World Economic Outlook” за соответствующие годы;

2) Всемирный банк, национальные счета.

Во-первых, удивительно увеличивается дистанция между долями США и Европы в ВМП: стартовав на равных условиях с ЕС в 2008 г., США в 2022 г. имели долю в ВМП по ППС на 0,7 процентного пункта выше, чем у ЕС, но при текущих обменных курсах разница увеличивается примерно до 9 процентных пунктов.

Во-вторых, доля ВВП США по ППС в 2022 г. снизилась по сравнению с показателем 2008 г. вместе с долей Европы, но в пересчёте по курсам валют США выиграли, опередив Европу, хотя потеряли 9 процентных пунктов по сравнению с 2008 г.; 7 из этих 9 пунктов были утрачены к 2015 г., в годы долгового кризиса и жёсткой экономики, несмотря на политику «whatever it takes». В 2022 г. при расчёте по обменным курсам вес ВВП США в ВМП был на 10 процентных пунктов больше, чем при расчёте по ППС, в то время как вес ВВП ЕС оказался больше всего на 1,7 пункта.

В-третьих, Китай выиграл по результатам обоих методов расчёта, но гораздо больше при расчёте по обменным курсам (рост на 11 пунктов по сравнению с 2008 г.). Несмотря на это, при расчёте последним методом Китай теряет первую позицию, достигнутую при расчёте по ППС, и отстаёт от США на 7 пунктов.

При нынешних курсах валют можно сделать вывод, что Евросоюз в течение этого пятнадцатилетнего периода, похоже, зашёл в тупик с точки зрения динамики ВВП в долларах: его экономика выросла с 16,2 трлн в 2008 г. до всего 16,6 трлн в 2022 г., но об этой 15-летней

стагнации не сообщал ни один эконометрический институт. Данные настолько аномальны, что авторы ECFR столь же аномальным образом маскируют их, суммируя ВВП Евросоюза и ВВП Великобритании за 2022 г. Правильные пропорции легко восстановить через расчёт темпов роста реального ВВП Евросоюза и США: за пятнадцатилетний период его средний рост составлял 1,15 % в год в Европе и 1,5 % в Америке; если исключить два года глобальной рецессии, то эти два показателя практически идентичны: 2,08 % в Европе и 2,14 % в США. Если же сделать расчёт по обменным курсам, то прирост Европы за весь пятнадцатилетний период составит 2,1 %, а США – поразительные 73 % (с 14,7 до 25,4 трлн долларов).

Эту разницу между двумя методами необходимо объяснить, так как она может вводить в заблуждение, хотя и не является мошенничеством, за исключением случаев откровенного политического использования. Обменные курсы являются результатом миллионов ежедневных транзакций, которые так же ежедневно фиксируются обменными пунктами, контролируемые центральными банками. На эту тему Банк международных расчётов (БМР) выпускает трёхлетний отчёт. Последний отчёт БМР, опубликованный в октябре 2022 г., показывает, что объём ежедневных операций по обмену валют по состоянию на апрель 2022 г. составлял в среднем 7,5 трлн долл. в день, при этом доллар присутствовал в 88 % транзакций, евро – в 31 %, иена – в 17 %, фунт – в 13 %, юань – в 7 %.

Относительное ослабление ЕС вполне реально: война обнажает линии разлома Старого континента, который резко отстаёт по степени централизации своей финансовой, внешней и оборонной политики. Сравнение США и Европы, предложенное ECFR, фактически сопоставляет результаты двух кризисов за два решающих года: в 2008 г. крах Уолл-Стрит с исчезновением или поглощением дюжины финансовых гигантов и кризис доверия привели к тому, что стоимость доллара упала до самого низкого значения за 20 лет (1,4708 доллара за евро в среднем за год), в то время как евро достиг своего пика в 2003 г. и впоследствии не смог повторить этого уровня; в 2022 г. военный кризис в Европе, напротив, привёл к тому, что курс евро упал до минимального значения за 20 лет (1,0530 доллара за евро), а курс доллара достиг максимума. Показатели, используемые ECFR, – это политические цифры американской исключительности, отразившейся в том факте, что доллар приобрёл статус мировой валюты, то есть стал единицей измерения размеров мировой экономики и богатства. Это политические цифры унилатерализма США, использующих различные кризисы и трудности конкурирующих держав (ЕС, России и Китая), чтобы казаться безоговорочным триумфатором и навязывать свои темпы и условия. В силу своей монетарной исключительности США являются единственной страной, ВВП которой остаётся идентичным, рассчитывается ли он по ППС или по текущим обменным курсам, в то время как для любой другой страны это две различные величины. Центром тяжести статистических конструкций обоих методов остаётся доллар, вокруг которого на разных расстояниях вращаются все остальные валюты. В 2022 г.

это расхождение привело к тому, что ВМП составил 164,160 трлн долл. по ППС и 100,650 трлн долл. по текущему обменному курсу, американский ВВП в обоих случаях был равен 25,460 трлн долл.

Расчёт ВВП по обменным курсам может быть особенно полезен при анализе динамики цикла, поскольку и в той степени, в какой они являются выражением свободных колебаний рынка. Обменные курсы представляют собой своего рода барометр случайных колебаний соотношения сил между державами в исторических пределах текущего монетарного порядка, основанного на перманентном противоречии между функцией доллара как расчётной единицы и функцией доллара как средства платежа или накопления, выпущенного суверенным государством, но признанного во всём мире после окончания второй мировой войны в качестве универсального эквивалента, необходимого для функционирования системы. Мировой капитал нуждается в этом эквиваленте для регулирования своей торговли и бизнеса. В этом и есть специфическая «потребительная стоимость» доллара – сохранение его стоимости за пределами суверенной территории, на которой он выпущен. На этом же основана вся система санкций, вводимых Вашингтоном. Здесь также кроется «непомерная привилегия» доллара, которая состоит в том, что владелец 100-долларовой купюры может требовать товаров, акций, долговых ценных бумаг на одинаковую сумму почти в любой части мира, в отличие от держателей других суверенных валют. За последние 30 лет разница между долей ВВП США в ВМП, рассчитанной по обменным курсам и по ППС, составила в среднем 7 процентных пунктов ВМП, колеблясь между 4,5 и 11 пунктами. Часть этой разницы представляет собой ренту от долларовой эмиссии.

Колебания обменных курсов выражают волатильность денежных рынков, эти курсы устанавливаются в результате мириад транзакций и сражений, поскольку на них действуют и их воспринимают рынки, то есть множество крупных групп финансового капитала и государств. Динамика в монетарной сфере отражает их повседневные дела, а также их вторжения и битвы за уровень производительности, процентные ставки, притоки и оттоки капитала, реструктуризацию, процентные ставки, традиционные и нетрадиционные монетарные решения, политические и электоральные изменения, военные конфликты, взлёты и падения фондовых рынков, катастрофы и экономические кризисы, спекулятивные авантюры, стихийные бедствия. В этих пределах монетарные отношения при дальнейшем приближении отражают совокупность отношений в системе. В этом смысле они могут найти место в инструментальной марксистской анализе кризисов и тенденций цикла, понимаемого в стратегическом смысле Маркса 1850 г. и Арриго Черветто, то есть цикла как комбинации экономического, политического и военного циклов.

В рассмотренном нами примере обменный курс, хотя и искажает экономический баланс сил между Соединёнными Штатами и Европой, всё же даёт представление о совокупном балансе сил между двумя континентальными

Фрмы баланса сил

империализмами, сравниваемыми в период решающих испытаний: пандемии, европейской войны, инфляции, энергетического и цифрового переходов, попыток сформировать блоки и альянсы. Взаимные сильные и слабые стороны этих держав, а также их отношения с другими державами теперь вступают в игру со всеми их компонентами: экономическими (в том числе монетарными), политическими и военными. Но здесь необходима осторожность, поскольку оценки обменных курсов представляют собой скользкие средние значения, так как не все валюты являются полностью конвертируемыми, а также потому, что существуют сражения и монетарные войны, изучение которых является задачей конкретного научного анализа. Итак, можно констатировать, что гэп между значениями ВВП США и ЕС, неправильно используемый в качестве меры подавляющего экономического превосходства Вашингтона, может отражать преобладающую на финансовых рынках идею *совокупного баланса сил* между двумя великими западными державами, борющимися за новый империалистический раздел мира в эту смену эпох, которая таит в себе беспрецедентные сюрпризы. Какую роль в относительном обесценивании евро играют более высокая европейская инфляция и процентные ставки, рецессия в Германии, потеря российских энергоресурсов, а также исчезновение с радаров, хотя и временное, франко-германской оси? Насколько сильно пузырь на рынке недвижимости, торговая война, осада, начатая Вашингтоном совместно с другими азиатскими державами, влияют на обесценивание юаня, и наоборот, насколько большим оно было бы без способности Пекина проявить устойчивость и инициативу, которую он продемонстрировал в 2008 и 2015 г.?

За последние 50 лет мы находим некоторые подтверждения этой гипотезы. Американский ВВП по текущему обменному курсу сразу после второй мировой войны составлял примерно 50 % ВВП. В 1960–1962 гг. его доля всё ещё была близка к 40 %. Затем она медленно падала, оставаясь выше 30 % до начала 1970-х гг. С созданием системы плавающих валютных курсов после того, как Ричард Никсон в одностороннем порядке приостановил конвертируемость доллара в золото, доля Америки в ВВП упала и колебалась между 25 и 30 % в течение примерно 30 лет. Из-за мирового финансового кризиса ВВП США снизился примерно до 21 %, но с началом долгового кризиса в еврозоне начал восстанавливаться. Доллар укреплялся в качестве глобальной безопасной гавани в годы обострения геополитического вызова и вызова исламистского терроризма в Европе и на Среднем Востоке. Он поддерживался американским унитаристским подходом, протекционистской жесткостью Дональда Трампа с его «*America first*» и «*Buy American*», а также массивными правительственными вливаниями для поддержки экономики США в период с 2017 по 2022 г. посредством новых *tax cut* и огромных субсидий предприятиям. Эта политика вызвала к жизни образ «*вертолётных денег*», и она была подкреплена преемником Трампа Джо Байденом, который лишь облачил её в бархатные перчатки. С помощью этих чрезвычайных мер США,

наконец, удалось вернуться к 25 % ВВП. Относительный упадок американского империализма полностью подтверждается, но, несмотря на сокращение относительного веса их экономики в ВВП, США по-прежнему сохраняют первенство по ВВП. [...]

В начале века гонка стала трёхсторонней, впервые за весь послевоенный период, так как вызовы со стороны СССР и Японии не имели необходимого масштаба. Китай становится третьим протагонистом, резко ускорившись после вступления в ВТО. И теперь в центре стратегических расчётов находится его роль в качестве участника одной из потенциальных комбинаций с одним из двух основных западных игроков. Со сближением Соединённых Штатов и Китая в рамках системы, которую журналисты назвали «Бреттон-Вудс – II», Дракон с его подавляющей экспортной силой не только сыграл решающую роль в установлении дезинфляционной тенденции в мировой экономике, но и использовал свои излишки капитала для финансирования долга США, став их главной опорой. С началом финансового кризиса период конвергенции закончился, и Пекин начал настаивать на реформировании институтов, правила которых были написаны англосаксонскими победителями второй мировой войны. С тех пор Китай почти утроил свою долю в ВВП по текущему курсу доллара. На этой, казалось бы, неудержимой волне Пекин в 2015 г. запустил проект «*Made in China 2025*» с целью добиться превосходства в десяти стратегических технологических секторах.

США неизбежно должны были отреагировать. Доля Европейского союза, которая на момент краха Уолл-Стрит превышала 25 % ВВП, неуклонно падала после долгового кризиса в Европе. Линия жёсткой экономии, возобладовавшая в Европейском союзе в ответ на финансовый кризис, долгового кризиса, разделивший европейские страны и сопровождавшийся многочисленными внешними атаками на евро, английский референдум и выход из ЕС Соединённого Королевства погасили европейский импульс, в то время как американские технологические и финансовые группы добились гораздо более быстрого восстановления, чем компании старушки Европы, а китайские группы значительно укрепились.

Европейский союз не смог конвертировать свои конфедеративные и объединительные успехи в достаточную и постоянную политическую силу. Победы в битве за защиту единой валюты было недостаточно, чтобы вдохновить наступление за политическое объединение континента, соизмеримое по масштабу с задачами наступающего *железного века*. ЕЦБ расширил свои полномочия, приблизив их к полномочиям ФРС США; во время долгового кризиса был создан Европейский стабилизационный механизм, располагающий важным фондом для стабилизации в кризисных ситуациях; во время пандемического кризиса был осуществлён первый реальный выпуск общих еврооблигаций для финансирования восстановления Европы в процессе энергетического перехода; во время украинской войны ЕС установил общий потолок цен на нефть. Но эти скачки не позволили союзу достичь институционального по-

рога, которым могло бы стать создание европейского казначейства; общего европейского долгового рынка, столь же важного для роли евро, как американский долговой рынок для доллара; органа по централизации энергетической политики. Банковский союз, созданный в 2012 г., так и не был завершён.

История не закончилась, и каждое новое землетрясение вновь пробуждает в европейском империализме воспоминания о Жане Монне, предсказавшем, что Европа может довести свои кризисы до конца. Война в Европе – ещё одно решающее испытание и грубое пробуждение. Пошаговый подход, возникший на основе опыта двух военных катастроф XX века и жестокого раздела континента, согласованного в Ялте, культивировал идеологию державы, способной решать межимпериалистические споры с помощью флотов контейнеровозов, а не авианосцев; монетарного оружия и масс капитала; связей регуляторной державы и финансовой дисциплины; военных расходов, которые ниже, чем у противников и союзников благодаря сдерживающему зонтику крупного союзника; расширения границ единого рынка, европейских интеграционных фондов и единой валюты как необратимого клея. Эта держава тешила себя иллюзией бесконечного времени, доступного для возведения более крупного здания – ненавистного соврастам «*всё более совершенного союза*».

Революционная партия должна извлечь выгоду из противоречий европейского империализма. Политическая борьба его фракций и его течений даёт больше времени, больше пространства и больше опыта для организационного развития ленинистской партии.

После американского кризиса субстандартного ипотечного кредитования 2007 г. предметом дискуссий о характере цикла стала концепция *декаплинга*. Десять лет спустя, когда она появилась снова, значение этого термина изменилось на противоположное.

В то время как кризис деривативов и субстандартного ипотечного кредитования оставил шрам на репутации американских финансов, активным восходящим экономиком приписывалось желание отделиться – осуществить *декаплинг* – от хромающего американского цикла и даже намерение бросить вызов гегемонии США. Когда разразился кризис на Уолл-Стрит, Народный банк Китая раскритиковал долларовую систему за неспособность гарантировать стабильность и предложил принять более безопасную и инклюзивную монетарную систему, основанную на специальных правах заимствования МВФ: кажется разделение принимает форму. Темпы развития Азии показали, что центр глобального развития сместился в Азиатско-Тихоокеанский регион. Внеевропейская торговля Старого континента следовала этой тенденции, ослабляя её атлантистский компонент. Американские транснациональные корпорации были обвинены в том, что своими иностранными инвестициями они расширяют или используют разрыв в темпах азиатского и американского циклов. В разгар рецессии 2009 г. Китай, Индия, Бразилия и Россия сформировали коалицию, названную тогдашним главным экономистом Goldman Sachs Джимом О'Нилом БРИК. В следующем году к

группе присоединилась Южная Африка, и объединение стало называться БРИКС. Его основная цель заключалась в том, чтобы увеличить вес «развивающихся» стран в международных институтах и создать условия и структуры для многополярной системы.

В 2011 г. тогдашняя глава МВФ Кристин Лагард сделала выговор критикам Бреттон-Вудских учреждений, призавшим к монетарной реформе: «*В нашем взаимосвязанном мире [...] каждая мысль о декаплинге является миражом*». Но *декаплинг* не был целью Китая, даже когда Пекин поднял планку, в 2013 г. запустив инициативу «Пояс и путь», а в 2014-ом создав Азиатский банк инфраструктурных инвестиций (АБИИ) с капиталом в 100 млрд долл. За несколько месяцев инициатива получила поддержку 57 государств, включая все наиболее важные страны ЕС. Тем временем Пекин продолжал покупать долг США, оставаясь крупнейшим иностранным кредитором Казначейства США до 2019 г.

Когда во время президентства Трампа в стратегические дебаты в Вашингтоне снова вернулся вопрос *декаплинга*, направление угрозы изменилось на противоположное, США начали одностороннее контрнаступление по всем направлениям и инициировали: торговую войну против Пекина; выход из ТТП, куда входили 11 стран, включая Японию (ключевую державу тихоокеанского поворота «доктрины Обамы»); выход из Парижского соглашения по климату; прекращение действия североамериканского соглашения НАФТА (правда, это решение было пересмотрено, и в 2020 г. зона была воссоздана). Этот курс американской политики, причём не только торговой, казалось, подтверждал тезис различных западных, особенно англосаксонских, аналитических центров, но не стражей многостороннего мирового порядка из МВФ, Всемирного банка и ВТО, о том, что глобализация исчерпала себя и начался процесс *деглобализации*.

Lotta comunista, ноябрь 2023 г.

Guido La Barbera

Новая стратегическая фаза

316 страниц, мягкий переплёт, 4 карты, хронология, библиография, биографический справочник

ISBN 978-5-9905528-2-1

Цена 350 руб.

Хроники Шёлкового пути

Индия, Китай и война в Газе

На саммите Лиги арабских государств и Организации исламского сотрудничества в Эр-Рияде министерскому комитету было дано поручение совершить визиты к постоянным членам Совета Безопасности ООН, начиная с Пекина. Китай призывает к прекращению огня в Газе и «скорейшему» созыву международной конференции. Внеочередной виртуальный саммит БРИКС, расширенный за счёт участия Саудовской Аравии, Ирана, Эмиратов, Египта, Эфиопии и Аргентины, впервые созданный в связи с текущим региональным конфликтом, указывает на новые инструменты «глобального управления», которые Китай может использовать для решения проблем «горячих точек» и дипломатического вмешательства на Среднем Востоке и в Персидском заливе – энергетической артерии, защиту которой США, как они считали долгое время, способны обеспечить собственными силами. Однако даже миротворцы могут подточить «доктрину Картера».

Лю Чжунминь, директор Института ближневосточных исследований Шанхайского университета международных исследований (SISU) и китайского журнала «Исследования арабского мира», ставит под сомнение формат «четвёрки» по Среднему Востоку, в котором участвовали США, Европейский союз, Россия и ООН, «но который оказался парализованным и не функционировал в течение значительного периода времени».

Азиатская реинкарнация «четвёрки»?

В 2002 году наш анализ демонстрировал, что «четвёрка» могла оказаться «мертворождённой», поскольку в неё не вошли азиатские игроки, которые уже «открыто проявили себя» в Персидском заливе: Китай, а также Индия и Япония. Пекин присутствовал там косвенно, через Совет Безопасности, но центром этой израильско-палестинской посреднической инициативы были атлантические отношения между Соединёнными Штатами и Европой накануне войны в Ираке. Несколько лет хватило, чтобы подтвердить «политическую недостаточность» этой площадки, а также увидеть первые попытки Китая войти в него, играя на двухсторонних контактах с региональными игроками. Эта терпеливая работа продолжалась в течение двух десятилетий.

По мнению Лю, «более авторитетный международный механизм» сегодня мог бы отталкиваться от пяти ядерных держав в Совете Безопасности, но очевидно, что азиатский вес должен иметь другие пропорции, поскольку Пекин представлял бы себя как выразитель интересов «Глобального Юга» и «БРИКС плюс» вместе с Москвой и Нью-Дели, если не как второго по значимости собеседника арабо-исламских держав. Принимая посланников Эр-Рияда, Сергей Лавров также предложил новый механизм «внешнего сопровождения» для возобновления работы «четвёрки», поскольку «старая группа посредников [...] не включала представителей арабского и исламского мира».

Представленный Китаем в декабре документ с изложением его позиции по «урегулированию израильско-палестинского конфликта» хотя и аналогичен «12 пунктам», представленным в феврале по военному конфликту на Украине, тем не менее выглядит более

чётко сформулированным, обращаясь к Совету Безопасности, «странам, влияющим на стороны» и «региональным организациям». Растущая роль Китая в локальных войнах пока не требует применения военных средств, за исключением тех, что уже были использованы для охраны маршрутов в Персидском заливе, но политическое давление на прямых и косвенных акторов также является империалистическим упражнением, учитывающим растущий потенциал проекции.

Временная стабильность на Среднем Востоке

Лю давно считает, что китайское проникновение в Персидский залив должно приближаться к американскому, и отмечает китайско-американское сближение на недавнем саммите в Сан-Франциско в качестве одного из благоприятных факторов региональной стабилизации, вызванной «более конструктивной ролью» крупных внешних держав. Десять лет назад, в преддверии китайско-американского саммита в Санниленде между Бараком Обамой и Си Цзиньпином, мы оценили как иллюзорную обсуждавшуюся в Вашингтоне идею о том, что «стратегическая пауза» может остановить Дракона на Среднем Востоке, который в то время проявлял себя в основном в форме «плюшевого сотрудничества».

И тогда Китай пригласил Биньямина Нетаньяху и Махмуда Аббаса в Пекин, как ожидалось и в этом году, до начала войны в Газе. В китайских дебатах подчеркивалась «нейтральная и сбалансированная позиция» Китая в средневосточных делах благодаря его контактам с региональными силами, «Хамасом, Хезболлой и Ираном, с которыми Вашингтон отказывается иметь дело»; предлагалось «помочь Вашингтону выступить посредником» на Среднем Востоке «в согласии» с «четвёркой».

Сегодня временная стабильность, о которой Джо Байден и Си договорились в Сан-Франциско, не смогла отсрочить политическое проникновение Пекина в регион, которое теперь уже является подтверждённым. Если угодно, вновь открывшиеся каналы связи на высоком уровне указывают на то, что вопрос для Вашингтона заключается в том, как вовлечь Китай во взаимодействие и рассмотреть его предложения.

Столы, накрытые Драконом

Лау Сиу-кай из Китайского университета Гонконга возглавлял политический отдел, дающий рекомендации главе администрации Гонконга, и на сегодняшний день является членом Консультативной конференции китайского парламента. Он пишет в *China Daily*, что «китайское решение» нуждается в продвижении: «В рамках нового политического порядка на Среднем Востоке интересы и безопасность всех сторон должны быть адекватным образом защищены», но к этому может призвать только Китай в своём всеохватном заявлении, обращённом ко всем силам на «международной конференции».

Чжоу Бо, бывший директор Управления международного сотрудничества Министерства обороны и координатор миссий по борьбе с пиратством в Аденском заливе, сейчас является старшим научным сотрудником Цен-

тра международной стратегии и безопасности Цинхуа (CISS). Должность, вероятно, позволяет ему большую свободу слова, где-то в границах между запуском «пробных шаров» и рекомендательным мнением для военных. Он пишет, что США и Китай должны сотрудничать как в Газе, так и в регионе Персидского залива. В Газе Пекин «был бы вполне способен возглавить миротворческую миссию ООН». В Персидском заливе региональная напряжённость усилит решимость Ирана развивать свои силы ядерного сдерживания, что спровоцирует региональную гонку с Саудовской Аравией и Турцией, однако Китай противостоял бы этому. Пекин уже высказался против применения ядерного оружия на Украине, несмотря на прочные связи с Москвой, успокаивая Европу; теперь его налаженные отношения с Тегераном должны успокоить США. Китаю «следовало бы соблюдать» международные санкции, которые могут ударить по атомному Ирану. Возможно, Пекин сможет за закрытыми дверями убедить Тегеран не переходить «пороговый» статус, прежде чем все стороны, «включая Вашингтон», соберутся для перезаключения новой ядерной сделки.

Средний Восток привлекает и Индию

С точки зрения индийской прессы, Нью-Дели всё в большей мере скрытно движется от «молчания» к «реализму». Если война на Среднем Востоке подтверждает соперничество с Китаем в гонке за «Глобальный Юг» и проекцию в регион Персидского залива, то резонирующий с Индией исламистско-мусульманский вопрос заставляет проявлять осторожность. *Washington Post* напоминает, что с разделением Индии и Пакистана в 1947 году и рождением Израиля в следующем году Британская империя оставила открытыми два вековых вопроса, которые до сих пор волнуют Дели.

В том же журнале «Исследования арабского мира» (№ 3, 2023) Чжэн Сянь У и Ян Мэн из Института международных отношений Нанкинского университета пишут, что именно возвышение Китая подталкивает Индию к Среднему Востоку. Её отношения с регионом, безусловно, восходят к началу письменной истории и продолжают в британской имперской политике, вплоть до «прагматизма» Нарендры Моди, который восстановил баланс между традиционным для Индии «про-арабизмом» в отношениях с Израилем. Однако в конечном итоге именно противоречия, разжигаемые Драконом, расширяют возможности Индии для манёвра в отношении Запада: «Осознание Индией себя в качестве важного игрока в Индо-Тихоокеанском регионе позволило укрепить стратегическую координацию с Соединёнными Штатами» и вновь соединить Средний Восток с Азией.

Запад Индийского океана

Нью-Дели «внимательно относится» к американским корректировкам курса, чтобы «действовать в нужное время» и присоединиться к группе «I2U2» с США, Эмиратами и Израилем в 2021 году: «в первую очередь», чтобы сбалансировать китайское влияние, но зная, что, хотя они конкурируют на глобальном уровне, США и Китай всё же «поддерживают диалог»

по Среднему Востоку. Расширение сотрудничества с Индо-Тихоокеанского региона на Средний Восток – это скорее вопрос возвращения американского внимания к западному направлению Индо-Тихоокеанского региона, что, как мы помним, обсуждалось в Нью-Дели в 2020 году как следствие «доктрины Джайшанкара».

Ключевым пунктом разногласий с США стали отношения с Ираном, одним из крупнейших поставщиков нефти в Индию и потенциальным союзником в Центральной Азии, но Дели увидел в возвращении демократов в Белый дом «ослабление напряжённости». С другой стороны, для Вашингтона «возведение крупной внешней страны в роль регионального стабилизатора стало бы вариантом обеспечения безопасности» и таким образом стало бы равносильно тому, чтобы «пригласить Индию на Средний Восток». Цель Индии, по мнению авторов, заключалась в том, чтобы противостоять китайскому Шёлковому пути, как это стало понятно после запуска совместно с Эмиратами, США и ЕС нового морского железнодорожного коридора IMES между Индией и Европой, а также компенсировать невступление в азиатское соглашение о свободной торговле ВРЭП – возможность, «упущенную» из-за внутренних «промышленных слабых мест», «американского давления» и веса Китая в АСЕАН.

Военный рост индийского фактора

Хотя многополярность на Среднем Востоке развивается, продолжают Чжэн и Ян, США по-прежнему остаются «самой влиятельной державой», и с каждым кризисом они вновь поглощаются регионом. Кроме того, регион становится «важной зоной соперничества» с Китаем, и американский «кухонный» становится всё менее вероятным: «Именно это противоречие между субъективным желанием уйти и объективной невозможностью сделать это даёт Индии возможность более активно участвовать в средневосточных делах». Персидский залив и Суэцкий канал, мировые энергетические и транспортные узлы, имеют решающее значение для «промышленного развития» Индии. В то же время Шёлковый путь рассматривается как «угроза», китайские порты в Пакистане, Шри-Ланке, Бангладеш и Мьянме образуют «нитку жемчуга» на шее Индии, а китайско-пакистанские отношения ограничивают её влияние в ближнем зарубежье и на Среднем Востоке. Неудивительно, что Дели также наращивает военную мощь.

Global Times признаёт «большим достижением» строительство в Индии второго авианосца, который заменит первый, построенный в России, и станет дополнением к первому, созданному в стране. *The Economist*, однако, оценивает военную модернизацию как запоздалую: по меньшей мере на «десятилетие» с технологической стороны и более 200 самолётов и 220 кораблей с количественной. «В частном порядке индийские военные чиновники говорят, что не смогут противостоять Китаю в течение 30 лет следующих лет». Факт остаётся фактом: с Индией, имеющей как минимум два авианосца, придётся неизбежно считаться как в Азии, так и на Среднем Востоке.

Lotta comunista, декабрь 2023 г.

Борьба рабочих в мире: UAW против Большой тройки

Хроника трудового конфликта

Хроника конфликта United Auto Workers (UAW) и детройтской Большой тройки (Ford, General Motors и Stellantis) вокруг продления контракта представляет собой снимок борьбы за требования рабочих в XXI веке в такой промышленно развитой стране, как США, и заслуживает того, чтобы быть представленной на этих страницах.

15–30 сентября

Срок действия предыдущего контракта истёк 15 сентября, переговоры о новом не принесли результатов, поэтому была объявлена забастовка, санкционированная голосованием членов UAW, в её поддержку было отдано 97 % голосов. Борьба поначалу развернулась только на трёх заводах: Ford в штате Мичиган, General Motors в Миссури и Stellantis в Огайо, – на которых в общей сложности заняты 12,7 тыс. рабочих, обеспечивающих 10 % от совокупного объёма производства Большой тройки. В последующие дни Большая тройка выдвинула встречные предложения по увеличению содержания. Начались *layoff*¹: часть рабочих фабрик, косвенно затронутых забастовкой, остались дома. Президент UAW Шон Фейн заявил: «Мир наблюдает за нами. И UAW готов сопротивляться; это решающий момент для нас» (15 сентября).

Дональд Трамп заявил, что «наращивание производства электромобилей является катастрофой как для UAW, так и для американских потребителей» (Detroit Free Press, 15 сентября). «Лидеры UAW хотят гарантировать работу профсоюзу в наступающую эпоху электромобиля, а также то, что рабочие на десятках заводов, которые будут построены на сельскохозяйственных угодьях Теннесси, Индианы и других мест и станут производить батареи и собирать электромобили, присоединятся к профсоюзам» (Wall Street Journal, 16 сентября).

«Впервые президент открыто поддержал забастовку профсоюзов» (Detroit News, 16 сентября).

18 сентября. Газета Wall Street Journal утверждает, что в стратегии UAW есть некоторый риск, требующий высокого уровня организации, но забастовка вызвала энтузиазм среди его рядовых членов. «В каком-то смысле для профсоюзов это битва не на жизнь, а на смерть» (Financial Times, 18 сентября). «UAW может рассматривать этот момент как свой последний шанс сохранить актуальность, прежде чем большая часть отрасли перейдёт на электромобили» (The Economist, 22 сентября).

23 сентября. Забастовка распространилась на 38 предприятий, на которых работает 5,5 тыс. рабочих. Это склады распределения запчастей GM и Stellantis, но не Ford, где переговоры находились на более продвинутом уровне. Теперь забастовкой охвачено 41 предприятие в 20 штатах.

24 сентября. Ратифицировано соглашение между канадским профсоюзом Unifor и Ford Canada, одобренное лишь 54 % работников и предполагающее повышение заработной платы до 25 %, повышение пенсий и т. д.

25 сентября. Статья в Financial Times сообщает о высоких прибылях Большой тройки за последние годы и демонстрирует, что реальная заработная плата за последние 5 лет упала на 20 %.

«Это забастовка, которая может изменить лицо Америки; [...] в 2009 году, чтобы спасти Детройт, рабочим пришлось пойти на огромные жертвы» (Le Monde, 26 сентября).

26 сентября. Исторический визит президента Джо Байдена на пикет завода GM в Бельвилле (штат Мичиган); он около 10 минут говорит примерно с 200 людьми. «Автопроизводители чувствуют себя невероятно хорошо, и я думаю, что вы тоже должны чувствовать

себя очень хорошо. [...] Уолл-Стрит не строила страну. Её построил “средний класс”. А профсоюзы сформировали “средний класс”, это факт. Увеличение зарплаты на 40 %? Я думаю, что [вы должны] быть в состоянии договориться об этом». Фейн говорит Байдену: «Спасибо за участие в этой борьбе».

27 сентября. Митинг Трампа перед автомобильным заводом в штате Мичиган, рабочие которого не состоят в профсоюзе, где он в течение часа выступает перед 400 людьми. «Голосование за Трампа означает, что будущее автомобиля будет решаться в Америке и будет питаться американской энергией, он будет создан из американской стали и алюминия и произведён хорошо оплачиваемыми американскими рабочими».

По данным Detroit Free Press, благодаря полным автомобильным складам забастовка не сильно влияет на продажи, поэтому может затянуться (27 сентября).

29 сентября. UAW распространяет забастовку ещё на два завода: Ford в Иллинойсе (5,7 тыс. рабочих) и GM в Мичигане (2,3 тыс. рабочих). UAW заявляет: «Ford и GM отказались добиваться существенного прогресса за столом переговоров». На тот момент насчитывалось 25 тыс. бастующих.

1–15 октября

Продажи автомобилей в США в III квартале выросли в среднем на 16 % по сравнению с предыдущим годом, в том числе продажи GM – на 21 %, Toyota – на 12 %, Stellantis – на 1 %. На переговорах Ford делает предложение о надбавках и вводит подвижную шкалу заработной платы (COLA). Аналогично поступает GM.

Il Sole-24 Ore пишет, что, по словам гендиректора Ford, профсоюз держит в заложниках Большую тройку в вопросе присутствия профсоюзов на аккумуляторных заводах, строящихся на совместных предприятиях (4 октября). Le Monde пишет: «Трампиский выпад против электромобиля» (4 октября).

Гретхен Уитмер, губернатор Мичигана от Демократической партии, заявляет: «Рабочие заслуживают справедливого контракта, но мы также обеспокоены тем, сможет ли Ford достичь всех целей, которые мы поставили как администрация» (6 октября).

GM продвигается на шаг вперёд и соглашается распространить контракт на заводы по производству аккумуляторов; это оценивается как важный шаг в переговорах (7 октября). В Детройте перед началом пикетов (8 октября) проходит *family strike day* – день, посвящённый семьям бастующих рабочих.

Выходит обширная статья Detroit News, содержащая интервью с пикетчиками: газета начинает поддерживать тезис о том, что бастующие проявляют усталость.

11 октября. Заключено соглашение с GM Canada, аналогичное подписанному с Ford и одобренное 54 %. Washington Post подчёркивает сильную взаимосвязь канадских и американских заводов Большой тройки, производящих автокомпоненты, двигатели и т. д. А мы сразу же задаёмся вопросом: почему в США и Канаде существуют отдельные контракты и не ведутся общие переговоры несомненно имевшие бы большую переговорную силу?

12 октября. UAW распространяет забастовку на завод Ford в Луисвилле (штат

Кентукки), на котором занято 9 тыс. рабочих и который является крупнейшей производственной единицей Ford в США, которая также приносит наибольшую прибыль. Форд заявляет, что это является безответственным поступком. Число бастующих рабочих увеличивается до 34 тысяч (плюс примерно 5 тыс. находящихся в *layoff*).

16–31 октября

16 октября, Канада. Соглашение между Unifor и GM одобрено 80 % голосовавших; переговоры со Stellantis всё ещё продолжаются.

Новая речь Билла Форда, адресованная рабочим: «Ford не должна быть против UAW. Нужно, чтобы Ford и UAW были против Toyota, Honda, Tesla и всех китайских компаний, которые хотят выйти на наш рынок. Если они выигрывают, мы все проигрываем». Файн отвечает: «Работники Tesla, Toyota и т. д. нам не враги [...], они – члены UAW будущего» (17 октября).

Количество отправленных в *layoff* растёт: на 20 октября их насчитывается 6,6 тыс. Руководитель GM говорит: «Мы не можем принять все запросы, это окажет разрушительное воздействие на рабочие места» (20 октября).

Трое переговоров продолжаются одновременно; вскоре будет достигнуто соглашение о повышении заработной платы на 23 % в течение 5 лет, но не о COLA и других вещах.

24 октября. Официальное заявление GM: «Мы разочарованы эскалацией этой ненужной и безответственной забастовки».

Забастовка распространяется на фабрику Stellantis в Стерлинг-Хайтс (штат Мичиган, 6,8 тыс. рабочих); всего бастуют 40,8 тыс. работников плюс находящиеся в *layoff*. Заголовки газеты Detroit News: «Хватит, довольно: рабочие на пикетах хотят соглашения». Эта газета входит в число наиболее ярких сторонников Большой тройки, в отличие от своего конкурента Detroit Free Press, которая поддерживает профсоюз. Критике подвергается выбор, направленный на удар по производству очень популярных пикапов – бестселлера Большой тройки.

25 октября. Забастовка распространяется на завод GM в Арлингтоне (штат Техас, 5 тыс. рабочих) и число забастовщиков достигает 45,8 тыс. плюс 8 тыс. находящихся в *layoff*. В тот же день GM объявляет экономические результаты за III квартал, которые оказываются положительными, несмотря на сентябрьские забастовки.

26 октября. На 41-й день забастовки достигнуто соглашение с Ford; теперь оно будет передано на голосование рабочих. Среди обнародованных пунктов: +25 % к заработной плате, COLA, повышение пенсий, отказ от нестандартной занятости, сокращение периода роста заработной платы и т. д. Комментарий: это не так обременительно, как опасались хозяева.

27 октября. Detroit News пишет: «Сделка с Ford – это большой шаг к тому, чтобы вернуть то, что потерял UAW». Комментарий: все ожидали такого результата, расходы по карману Ford. Detroit News снова: «Tesla, возможно, придёт повысить заработную плату, если она не хочет появления профсоюза на заводе, иначе она подтолкнёт рабочих к этому». Wall Street Journal: «Ford платит высокую цену за мир с профсоюзом».

28 октября. Соглашение со Stellantis аналогично тому, что было достигнуто с Ford. GM продолжает сопротивляться, забастовка распространяется на завод в Спринг-Хилле (штат Тен-

несси, 4 тыс. рабочих). Общее количество охваченных рабочих превышает 50 тыс. – это максимум.

31 октября. На 46-й день забастовки достигнуто соглашение с GM. Байден заявляет: «Контракт является свидетельством силы профсоюза и коллективных переговоров». Канада: после очень короткой забастовки достигнуто соглашение и со Stellantis, аналогичное договорам с двумя другими компаниями.

1–15 ноября

Toyota (14 заводов и 32 тыс. рабочих в Северной Америке) объявляет о повышении зарплаты на 9 % (2 ноября).

Подробности о соглашении со Stellantis: инвестиции в размере 19 млрд долл., трудоустройство 5 тыс. человек на заводах по производству аккумуляторов, возобновление работы недавно закрытого завода (3 ноября) в Белвидире, штат Иллинойс.

Le Monde пишет: «Уроки американской забастовки [...]: политический победитель – Джо Байден» (5 ноября).

10 ноября. Байден в футболке UAW выступает перед рабочими в штате Иллинойс, восхваляя соглашения, которые, по его мнению, станут новым стандартом, и говорит: «Американские трудящиеся готовы работать больше, чем кто-либо другой. [...] Им необходимо дать возможность. Справедливую возможность и справедливую зарплату».

Голосование за ратификацию соглашений продолжается; явка – около 75 %. Первые неопределённые данные, поступающие от GM, заставляют некоторые газеты предположить, что произойдёт в том случае, если соглашение не будет одобрено, и высказываться о последующем ослаблении UAW в кампании по синдикализации Toyota, Tesla, Honda и т. д., которая, как объявил Фейн, начнётся сразу после ратификации.

Но результаты голосования (на 140 заводах) опровергают эти гипотезы. Всего по Большой тройке – 64 % за и 36 % против. Ford – 69 % за, Stellantis – 70 % за, GM – 55 % за. Производственные рабочие проголосовали за почти везде, набрав на 2–3 пункта меньше среднего показателя. На 17 крупных фабриках (более 3 тыс. голосовавших) количество голосов за составило 56 %, что на 8 процентных пунктов меньше среднего и на 13 пунктов меньше, чем на всех остальных фабриках. Среди этих 17 фабрик против соглашения проголосовали три из четырёх фабрик GM, включая историческое предприятие во Флинте (штат Мичиган), где работает 5 тыс. сотрудников, три фабрики Stellantis и пять из десяти фабрик Ford.

Оценки сходятся в том, что «недовольные» были сконцентрированы на крупных заводах, потому что там в основном работают старые работники, нанятые до 2008 г., которые получили гораздо меньшую надбавку, чем те, которые были наняты после; более того, те, чей возраст приближается к пенсионному, недовольны тем, что их ждут минимальные выплаты.

Добавим, что снимок голосования 100 тыс. рабочих на 140 малых и крупных автомобильных заводах США даёт беспрецедентную и детальную картину боевого отряда нашего класса в Штатах: теперь ему предстоит столкнуться с травмирующим воздействием электромобильной реструктуризации.

Lotta comunista, декабрь 2023 г.

Космическая отрасль в Азии

Индийский след на южном полюсе Луны

Одновременно с саммитом БРИКС в Йоханнесбурге и накануне саммита Большой двадцатки, проходившего в Нью-Дели, Организация космических исследований Индии (ISRO) успешно завершила миссию "Chandrayaan-3". В ходе неё посадочный аппарат Vikram совершил управляемую посадку, после чего был выпущен луноход Pragyan. Оба аппарата проводили эксперименты и исследования состояния почвы в течение двух недель, что эквивалентно половине лунного дня.

Выбранный район находится в непосредственной близости от южного полюса спутника, куда ещё не добрался ни один зонд и где, как предполагается, могут находиться залежи замёрзшей воды, что важно для будущих полётов человека.

Век, который начинается с Азии

После СССР, США и Китая Индия стала четвёртой страной в мире, совершившей мягкую посадку собственного космического аппарата. Согласно архивным данным, собранным астрофизиком Джонатаном Макдауэллом из Гарвардского университета, всего было 53 попытки, из них успешными оказались 23, то есть меньше половины. Первой была попытка зонда "Ranger-3" в 1962 году, которая закончилась неудачей. Первым успешным экспериментом стала посадка советского космического аппарата "Луна-9" в 1966 году.

Напомним, что ISRO уже пыталась добиться этого результата в 2019 году в рамках миссии "Chandrayaan-2", однако безуспешно. Текущая попытка была предпринята всего через несколько дней после падения на лунную поверхность зонда "Луна-25", запущенного российским агентством "Роскосмос" в начале августа. Москва вернулась к задаче после длительного перерыва: последняя контролируемая посадка на Луну была осуществлена ещё во времена СССР, в 1976 году, аппаратом "Луна-24".

Даты имеют определённое значение. В нынешнем столетии китайские лунные миссии с зондами "Чанъэ-3", "Чанъэ-4" и "Чанъэ-5" были проведены и увенчались успехом только в трёх случаях – в 2013, 2019 и 2020 годах. При этом "Чанъэ-4" – единственный зонд, совершивший посадку на так на-

зываемой скрытой стороне Луны, в том числе благодаря спутнику "Цюэцяо", который был выведен на орбиту для передачи и приёма данных космического аппарата.

В рамках программы "Артемида" Соединённые Штаты стремятся организовать своё великое возвращение на Луну, но первое двадцатилетие века несёт на себе отпечаток Азии и развивающихся держав. «Нас ждёт успех для всего человечества, – заявил премьер-министр Индии Нарендра Моди, беседуя с техническими специалистами диспетчерской ISRO. – Я уверен, что все страны мира, в том числе страны Глобального Юга, способны достичь таких целей» (Aviation Week & ST, 4 сентября).

Поднимая флаг развивающихся держав, Моди обращается к национальной гордости индийцев. Мировая пресса также сообщает, что эти достижения даются сравнительно небольшой ценой. Годовой бюджет NASA составляет 25 млрд долларов, бюджет CNSA (Китайская национальная космическая администрация) оценивается в 10 млрд долларов, ESA (Европейское космическое агентство) – в 7,5 млрд долларов, ISRO – в 1,5 млрд долларов.

Общая стоимость миссии "Chandrayaan-3" составила 75 млн долларов. Илон Маск похвалил индийцев за бережливость, отметив, что эта цифра меньше половины того, что было им потрачено на съёмки фильма "Интерстеллар", но Space News напоминает, что она равна стоимости запуска SpaceX Falcon9.

Развёртывание и совместная работа

В апреле 2023 года не удалась контролируемая посадка на Луну космического аппарата NakutoR, запущенного японской компанией Ispace. В настоящее время к Луне направляется космический аппарат SLIM, разработанный японским государственным агентством JAXA, посадка которого должна состояться в январе.

На ближайшие месяцы запланированы также полёты двух частных американских компаний – Intuitive Machines и Astrobotic Technology. Их деятельность частично финансируется NASA в рамках программы CLPS (Commercial Lunar Payload Services): американское агентство определяет компании, которые в будущем будут оказывать ему

коммерческие услуги в рамках программы Artemis.

Одним словом, возвращение на Луну предполагает развёртывание ресурсов частных групп и государственных агентств, старых и новых игроков космической отрасли, а сама гонка и изменившийся международный контекст готовят появление и других участников, заключение и разрывы сотрудничества.

До конфликта в Украине планировалось сотрудничество между ESA и агентством "Роскосмос" в рамках миссии "Луна-25". Часть европейской сети слежения за спутниками в космическом пространстве, расположенная в Великобритании, Гайане и Австралии и связанная с центром управления в Дармштадте, должна была наблюдать за данными "Луны" и передавать их россиянам. Это сотрудничество было прервано и, возможно, стало одной из причин потери связи с "Луна-25".

Аналогичное сотрудничество ESA поддерживает с индийской ISRO как по программе Chandrayaan-3, так и по программе Aditya-L1, запущенной для изучения Солнца.

В бюллетене ESA о миссии "Chandrayaan-3" сказано следующее: «Связь необходима для любого космического путешествия [...] без поддержки наземных станций невозможно получить данные о любом спутнике, узнать, что он делает, каково его состояние и где он находится»; благодаря нашему сотрудничеству «ISRO может отслеживать и отдавать команды своему спутнику, даже когда он находится вне зоны действия её антенн».

Космические Спратли Китая

По данным Wall Street Journal, полёты зондов, а затем и астронавтов на южный полюс Луны находятся в «достаточно стерильной нормативной среде». Договор о космосе, подписанный ведущими державами и более чем сотней других стран в 1967 году, гласит, что Луна, как и планеты, не может быть объектом собственности или очерчивания границ в каких-либо целях, поскольку она должна рассматриваться как достояние всего человечества.

Однако в рамках программы Artemis, разработанной США и реализуемой при участии 29 других стран, считается, что «владение лунными материалами, их транспортировка, использование и продажа» возможны в исследовательских целях без нарушения договорных принципов.

Не останавливаясь на юридических тонкостях, директор NASA Билл Нельсон заявил в интервью Politico: «Мы будем участвовать в космической гонке», и, если китайцы первыми доберутся до Луны, «они могут сказать нам, что бы мы держались подальше, потому что это их территория [...] Если у кого-то есть сомнения, посмотрите, что они сделали на островах Спратли» (1 января).

Если в космической гонке альянсы имеют значение, то колокол звонит и по Индии, которая двигает некоторые пешки в антикитайской партии.

ISRO и автономия

По мере возможности индийские правительства старались, по крайней

мере формально, сохранять определённую внеблоковость страны и некоторую самостоятельность в космических инициативах. ISRO была основана в 1969 году, до создания европейского агентства, которое появилось примерно пятью годами позже. Первый индийский спутник был выведен на орбиту ракетой СССР в 1975 году, а первая индийская ракета-носитель "SLV-3" была запущена в 1979 году, в один день с европейской Ariane.

Первые спутниковые системы Дели, такие как телекоммуникационная система INSAT, были выведены на орбиту в конце 1980-х годов. Возможность автономного выхода в космос – результат долгого пути. Количество запусков, осуществляемых ISRO, выросло в среднем с менее чем одного в год в первые двадцать лет до двух в последующее десятилетие и пяти в последнее. Коммерческое подразделение индийского агентства недавно вывело на орбиту 72 спутника группы One Web – это заказ, потерянный компанией Arianespace после утраты возможности использовать российскую ракету-носитель "Союз".

В 2018 году Индия завершила создание спутника IRNSS (Indian Regional Navigation Satellite Systems), запущенного сетью из 7 аппаратов, способных покрывать районы, представляющие национальный стратегический интерес. В 1999 году США отказали Нью-Дели в предоставлении данных из района Каргила во время конфликта с Пакистаном. В 2019 году Индия провела испытание анти-спутникового оружия, сбив один из собственных выведенных из эксплуатации аппаратов, и создала агентство по координации военно-космической деятельности.

Что касается международного аспекта, то миссия "Chandrayaan-4", называемая также Lupex (Lunar Polar Exploration), будет осуществляться в сотрудничестве с японским агентством JAXA. Цель – южный полюс Луны: Токио предоставит ракету-носитель и луноход, Нью-Дели – лунный посадочный аппарат. Полёт запланирован на 2025 год.

По случаю визита Моди в США Индия подписала ряд соглашений. Страна вступает в программу Artemis, и несколько индийских астронавтов пройдут подготовку в центре NASA в Хьюстоне для участия в полёте на международную космическую станцию в 2024 году. Это соглашение, скорее всего, положит конец многолетнему сотрудничеству с Россией по пилотируемым полётам. Космонавты, которые, как ожидается, примут участие в миссии "Gaganyaan" (первый полёт на индийском космическом корабле на околоземную орбиту), прошли подготовку в 2020 году в подмосковном Центре подготовки космонавтов имени Гагарина.

В настоящее время Россия является основным партнёром проекта ILRS (International Lunar Research Station), и китайского плана по созданию постоянной обитаемой зоны на Луне в начале следующего десятилетия. Участие в нём, тем более на вторых ролях, далеко от намерений ISRO.

Lotta comunista, сентябрь 2023 г.

ИНДИЙСКИЕ РАКЕТЫ-НОСИТЕЛИ

	Высота (м)	Выполнено полётов	Периоды полётов	Кг груза, НОО	Кг груза, ГСО
ASLV	24	4	1987–1994	150	
SLV-3	22	4	1979–1983	40	
PSLV	44	59	1992–2023	1.750	
GSLV Mk2	51	15	2001–2023	6.000	2.250
GSLV Mk3 (LVM3)	43	7	2014–2023	8.000	4.000
SSLV	34	2	2022–2023	500	

Примечание: SLV расшифровывается как Satellite Launch Vehicle, которая, в свою очередь, может быть усовершенствованной, полярной, геосинхронной или малой; НОО (низкая околоземная орбита) – орбиты на расстоянии от 300 до 1.000 км от Земли; ГСО (геостационарная орбита) – 36.000 км от Земли.

Источник: ISRO.

Страницы истории рабочего движения

Энгельс и кризис конца века

Последний период жизни Энгельса – с конца 1880-х гг. до его смерти в 1895-м – был отмечен большим количеством теоретических работ, в которых он с исключительной точностью установил основные черты империалистического XX века.

На границе двух эпох

Уже в работе «К критике проекта социал-демократической программы 1891 года» Энгельс подчёркивает роль «акционерных обществ» и трестов, «которые подчиняют себе и монополизируют целые отрасли промышленности»¹, фиксируя тем самым развитие капитализма до его высшей фазы, когда он приобретает признаки империализма, который будет полностью проанализирован Лениным почти 30 лет спустя. Кроме того, там, где Эрфуртская программа осуждает «рост нищеты» пролетариев, Энгельс замечает: «В такой абсолютной форме, как сказано здесь, это неверно. Организация рабочих, их постоянно растущее сопротивление будут по возможности создавать известную преграду для роста нищеты. Но что определённо возрастает, это необеспеченность существования»².

Энгельс предвидел, что смена эпох будет иметь катастрофические последствия. В отличие от ситуации 1848 г., когда произошла консолидация буржуазного строя, на рубеже веков развитие новых территорий, таких как США, начало размывать международный порядок и производить потрясения в отношениях между классами – даже в Европе – в контексте глобальной конкуренции, которая с образованием монополий становилась всё более жёсткой.

Отличный прогноз

В знаменитом примечании к III тому «Капитала» Энгельс выдвигает гипотезу удлинения капиталистических циклов, которые, однако, накапливают потенциал для следующих, более катастрофических и разрушительных кризисов.

Черветто отмечает, что, хотя между 1848 и 1870 гг. Маркс и Энгельс основывали стратегию международной пролетарской партии «на классовых отношениях и экономических отношениях между капиталистическими и докапиталистическими странами Европы», их последующий анализ всё больше рассматривал «эти отношения в мировом масштабе». Таким образом, в стратегической мысли Маркса и Энгельса разворачивалась «диалектика Европа – не Европа», где первая оставалась эпицентром, но внеевропейские факторы приобретали всё больший вес.

Анализ «мирового развития капитализма (в США, Китае, Индии, России)», отмечает Черветто, позволил Энгельсу сделать «грандиозное предсказание “кризиса конца века” (мировой войны и/или революции)». Уже в 1887 г. он написал пророческие слова: «[Для] Пруссии – Германии невозможно уже теперь никакая иная война, кроме всемирной войны. И это была бы всемирная война невиданного раньше размера, невиданной силы. От восьми до десяти миллионов солдат будут души друг друга и объедать при этом всю Европу до такой степени дончиста, как никогда ещё не объедали тучи саранчи. Опустошение, причинённое Тридцатилетней войной, – сжатое на протяжении трёх-четырёх лет и рас-

пространённое на весь континент, голод, эпидемия, всеобщее одичание как войск, так и народных масс, вызванное острой нуждой, безнадежная путаница нашего искусственного механизма в торговле, промышленности и кредите»³.

Социализм в Германии

В сентябре 1891 г. Французская рабочая партия (Parti Ouvrier Français, POF) обратилась к Энгельсу через Лауру Лафарг с просьбой опубликовать в *Almanach du parti ouvrier pour 1892* статью по истории немецкой социал-демократии. Однако он написал работу «Социализм в Германии», в 1892 г. также опубликованную в *Neue Zeit*, которой предпочёл придать «практический характер»⁴ в форме статьи о текущих событиях, поскольку для рассмотрения вопроса о «развитии социализма в Германии» требовалась бы «целая книга»⁵. Поэтому Энгельс обращается к задачам социал-демократии, рассматривая гипотезу будущей войны, в которой Германия противостояла бы союзу Франции и реакционного царизма. В этом случае, пишет Энгельс, социал-демократия была бы обязана участвовать в революционной защите Германии.

В 1914 г. национал-шовинисты из СДПГ будут претендовать на то, что нашли в этой статье оправдание голосования за военные кредиты. Но это мистификация: во-первых, Энгельс писал в 1891 г., когда капитализм ещё находился в переходной фазе и нельзя было говорить об империалистическом характере войны, как это было в случае с войной 1914 г., и выкладки Энгельса поэтому можно было рассматривать в качестве последней версии стратегии перманентной революции. Кроме того, невозможно было не понять: речь шла не о защите родины, а о защите позиций, завоеванных социал-демократией в Германии, для целей европейской революции.

Энгельс пишет, что благодаря тридцатилетней борьбе СДПГ «завоевала себе такое положение, которого не занимает ни одна социалистическая партия в мире, положение, которое обеспечивает ей в течение короткого срока переход политической власти в её руки. Социалистическая Германия занимает в международном рабочем движении самый передовой, самый почётный, самый ответственный пост». Победа России означала бы «подавление немецкого социализма». По этой причине в «интересах европейской революции» немецкие социалисты были «обязаны отстаивать все завоеванные позиции и не капитулировать ни перед внешним врагом, ни перед внутренним»⁶.

Два замечания: прежде всего, Энгельс указывал, что речь идёт о том, чтобы не капитулировать перед «внутренним» врагом, утверждая тем самым в войне интернационалистический принцип классовой борьбы с «врагом в собственном доме». Вместо этого СДПГ в 1914 г. пассивно приняла внутренний «гражданский мир» (*Burgfrieden*). Во-вторых, Энгельс размышлял о мобилизации масс на революционную защиту Германии, рассматриваемую им как форма классовой борьбы. СДПГ же в 1914 г. пристроилась в хвосте прусского генерального штаба.

Один солдат из пяти

Энгельс подчёркивал растущую силу социал-демократии, что отражалось и в

электоральном прогрессе: её поддержка выросла со 101.927 голосов в 1871 г. (суммируя эйзенхатцев и лассальянцев) до 1.427.298 в 1890 г. Однако он не считал, что подсчёт голосов или мест в парламенте является главным фактором в условиях капиталистического кризиса и мирового конфликта. Вместо этого Энгельс акцентировал внимание на революционном потенциале классовой партии: «[Главная] сила германского социализма заключается [...] не в количестве избирателей. Избирателем у нас становятся только в 25 лет, а солдатом – уже в 20. А так как наибольшее пополнение даёт партии именно молодое поколение, то отсюда следует, что германская армия всё более и более заражается социализмом. Сейчас на нашей стороне каждый пятый солдат, через несколько лет будет каждый третий, а к 1900 г. армия, которая прежде в Германии была особенно пропитана прусским духом, станет в большинстве своём социалистической. [...] Берлинское правительство понимает это не хуже нас, но оно бессильно. Армия ускользает из его рук»⁷. Эти размышления связаны с разработками, начатыми Энгельсом в сочинении 1865 г. «Военный вопрос в Пруссии и немецкая рабочая партия», где указывалось на необходимость сочетания легального использования парламентской платформы и проникновения в армию в революционных целях.

«Стреляйте первые, господа буржуа!»

Во «Введении» к изданию 1895 г. «Классовой борьбы во Франции (1848–1850)» Маркса Энгельс подчёркивает «полный переворот во всём военном деле», вызванный набором «всего годного к военной службе населения в армии», которое будет использовано в «неслыханной по своей жестокости мировой войне», исход которой совершенно не поддается учёту»⁸. Перед лицом огромных армий, возникших благодаря крупной капиталистической промышленности, баррикадное восстание типа того, что было в 1848 г., теперь стало немислимо: «Прошло время внезапных нападений, революций, совершаемых немногочисленным сознательным меньшинством, стоящим во главе бессознательных масс. [...] необходима длительная настойчивая работа, и именно эту работу мы и ведём теперь»⁹.

Истинная сила социал-демократии состояла в том, что она была укоренена среди рабочих, составляющих большинство массовых армий. В связи с этим легальность, восстановленная после окончания периода Исключительного закона против социалистов, пишет Энгельс в «Социализме в Германии», «так превосходно работает в нашу пользу, что мы были бы глупцами, если бы нарушили её, пока дело идёт таким образом». «А пока: “стреляйте первые, господа буржуа!”. Без сомнения, они будут стрелять первыми. В один прекрасный день немецким буржуа и их правительству надоеет пассивно наблюдать всё возрастающий подъём социализма; они прибегнут к незаконным, к насильственным действиям. Что это даст? При помощи насилия можно задушить маленькую секту, действующую на ограниченной территории; но нет ещё такой силы, которая была бы в состоянии уничтожить партию в два миллиона человек, рассредоточенных на

всём пространстве огромной империи»¹⁰. По этой причине «господствующие классы», пишет он во «Введении» к «Классовой борьбе во Франции», «хотят заманить нас непременно туда, где стреляет ружьё и рубит сабля», и обвиняют социал-демократию «в трусости за то, что мы не желаем немедленно без оглядки выходить на улицу, где, как мы наперёд знаем, нас ожидает поражение?»¹¹. Это происходит потому, что буржуазия и правительство «стали гораздо больше бояться легальной деятельности рабочей партии, чем нелегальной, успехов на выборах, – чем успехов восстания»¹².

Против войны – революция

Разрабатывая стратегию для эпохи империализма, Энгельс не прекращал вести борьбу с оппортунизмом. Свидетельством этого является тот факт, что «Введение» в версии, опубликованной Вильгельмом Либкнехтом в *Vorwärts!*, подверглось значительным сокращениям по указанию руководства СДПГ, которые скрывали фундаментальную связь между легальным использованием парламентской трибуны и целью революционеров. Публикация искажала смысл написанного. Именно поэтому в письме Карлу Каутскому от 1 апреля 1895 г. Энгельс писал, что считает недопустимым, чтобы его выдавали за «миролюбивого поклонника законности во что бы то ни стало»¹³.

Энгельс, развивая это направление анализа, в марте 1893 г., опубликовал в берлинском *Vorwärts!* серию статей, позже собранных в брошюру «Может ли Европа разоружиться?», где прокомментировал дебаты в рейхстаге по поводу закона об армии: «Вот уже двадцать пять лет, как вся Европа вооружается в неслыханной до сих пор размерах, [в то время как] во всех странах широкие слои населения, на которых почти исключительно лежит обязанность поставлять массу солдат и платить основную часть налогов, призывают к разоружению»¹⁴. Это массовое перевооружение и система постоянных армий «доведена до такой крайности, что либо народы будут ею экономически разорены, не выдержав бремени военных расходов, либо она неизбежно приведёт к всеобщей истребительной войне, если только постоянные армии не будут своевременно преобразованы в милицию, основанную на всеобщем вооружении народа»¹⁵.

Для Энгельса единственный выход из капиталистического кризиса и бойни – это превращение войны в революцию.

Lotta comunista, май 2023 г.

1 – Маркс К. и Энгельс Ф. Собр. соч. Изд. 2-е. Т. 22. С. 234.

2 – Там же. С. 233.

3 – Там же. Т. 21. С. 361.

4 – Там же. Т. 38. С. 152.

5 – Там же. С. 145.

6 – Там же. Т. 22. С. 258.

7 – Там же. С. 253.

8 – Там же. С. 537, 538.

9 – Там же. С. 544.

10 – Там же. С. 254.

11 – Там же. С. 543, 544.

12 – Там же. С. 540.

13 – Там же. Т. 39. С. 373.

14 – Там же. Т. 22. С. 387.

15 – Там же. С. 385.

Борьба с коронавирусом

Прискорбное состояние здравоохранения

«Пандемия – это кризис в области здравоохранения, который случается раз в столетие, и его последствия будут ощущаться на протяжении десятилетий», – объявил 31 июля 2020 года глава Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ) Тедрос Адханом Гебрейесус.

Пандемия Covid-19 открыла третье десятилетие XXI века. Неизбежно сравнение с гриппом, вызванным вирусом H1N1, который обрушился на человечество в начале прошлого века и вошёл в историю под именем “испанки”. Следует упомянуть ещё по крайней мере две важные пандемии, которые в XX веке погубили как минимум 1 млн человек каждая: так называемая “азиатская” в 1957 году, спровоцированная вирусом H2N2, и “гонконгская” в 1968-м, вызванная вирусом H3N2.

Однако главным эталоном для сравнения для пандемии столетия SARS-CoV-2 остаётся “испанка”. Согласно оценкам из прошлого, три волны с марта 1918 года по март 1920-го добавили к резне первой мировой войны ещё по меньшей мере 50 млн смертей (Niall Johnson, Juergen Mueller, 2002). Более современные оценки сокращают это число до 17,4 млн (Peter Spreeuwenberg et al., 2018). Таким образом, доля жертв от общего населения Земли того времени составила от 1 до 2,7 %.

Смертность от Covid-19, подсчитанная на основе данных об “избыточной смертности”, составила от 18 до 33 млн, согласно последним оценкам *The Economist*, что соответствует от 0,2 до 0,4 % сегодняшнего мирового населения.

Управленческая катастрофа

Сто лет капиталистического развития, научных открытий и технологических инноваций могли и должны были сократить масштаб катастрофы.

Научный журнал *The Lancet* опубликовал 57-страничный доклад Комиссии по Covid-19. Отчёт является результатом двухлетней работы 28 учёных из разных областей знаний и разных стран, которые при содействии ещё 173 экспертов изучили глобальный ответ на пандемию. Комиссия установила длинный список пробелов от недостаточного предотвращения до плохой защиты наиболее уязвимых, от хаоса медицинских поставок до фиаско международного сотрудничества. Общий вердикт суровый: «Большая часть мира не была готова к Covid-19». «Невероятное количество смертей – это тяжёлая трагедия и колоссальный глобальный провал на многих уровнях. Слишком многие правительства не смогли действовать согласно фундаментальным принципам рациональности и институциональной прозрачности, слишком многие люди – часто под влиянием дезинформации – не соблюдали базовые публичные меры санитарной предосторожности и протестовали против них, а многие мировые державы не сумели наладить сотрудничество, чтобы взять пандемию под контроль». «Одним из наиболее ярких событий стала безответственность многих влиятельных политических лидеров. Политики национального и местного уровня действовали, руководствуясь различными мотивами, в том числе политическими сроками и электоральными циклами, страхами общественной реакции, ограничениями экономических интересов и недостатком сознания и знаний» (*The*

Lancet Commission on lessons for the future from Covid-19 pandemic, 14.09.2022).

Хрупкость здравоохранения

Подсчёт смертей представляет собой синтетический индикатор насилия пандемии, последствия которой распределились неравномерно между странами и внутри них между социальными классами. Этот подсчёт, помимо прочего, не даёт представления о долгой цепочке прямых и косвенных санитарных, экономических и социальных последствий пандемии, в том числе в долгосрочной перспективе.

Состояние здоровья населения во многом зависит от эффективности системы здравоохранения. Даже в наиболее индустриализованных странах – членах Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), где всё или почти всё население имеет доступ к базовым медицинским услугам (по крайней мере на бумаге), кризис выявил хрупкость здравоохранения. В среднем «системы здравоохранения были недостаточно устойчивыми», то есть не были вполне в состоянии «подготовиться, усвоить уроки, оправиться и адаптироваться к основным шокам», что выявило недостаток финансирования и структурную слабость (OECD, “Ready for the Next Crisis?”, 23.11.2023). Отсутствие подготовки чрезвычайных планов, недостаток в профилактике, наблюдении и системах предупреждения привели к тому, что многие страны пандемия застала врасплох: они не располагали необходимыми запасами медицинского снаряжения, даже элементарными средствами индивидуальной защиты хотя бы для медицинских работников. Взрыв инфекции перегрузил ресурсы в лице персонала и средств, ответ был медленным и иногда сбивчивым. «Системы здравоохранения должны лучше подготовиться к будущим шокам», и не только пандемическим. Этот же урок касается и Европы, соглашаются эксперты EuroHealth – европейского обозревателя систем и политик здравоохранения (EuroHealth, “Strengthening health system resilience in the Covid-19 era”, 2022).

Непредоставленное лечение

Инфекция SARS-CoV-2 оставила после себя по меньшей мере 65 млн пострадавших от “Long-Covid” (*The Lancet*, 11.03.2023). “Постковидное состояние”, согласно определению ВОЗ, представляет собой изнуряющее мультисистемное нарушение, ещё недостаточно изученное, что во многих случаях ведёт к уходу с работы и по большому счёту к потере целых лет здоровой жизни. Однако груз, унаследованный системами здравоохранения, намного тяжелее.

Согласно опросу ВОЗ о непрерывности действия ключевых услуг во время пандемии, из 135 стран, участвовавших в исследовании, 94 % испытали определённое нарушение (проблемы или перерывы в работе) в первые 3 месяца 2021 года (EuroHealth, “Transforming delivery of essential health services during the Covid-19 pandemic”, 2022).

Медицинские потребности для сопоставления Covid-19 вытеснили ресурсы из других областей здравоохранения. Способность обеспечить “двойное предоставление услуг” различалась от системы к системе и оказалась минимальной у тех, кто встретил кризис уже на пределе своих возможностей, на имея резервных

сил. Нехватка оборудования и больничных коек, но ещё более нехватка докторов и медсестёр ограничили возможности предоставления медицинской помощи, и последняя была повсеместной ещё до начала пандемии, как выявила ОЭСР. Лишь немногие страны имели резервные силы, которые можно было мобилизовать в случае чрезвычайной ситуации.

Опрос Eurofound показал, что в 22 странах ОЭСР с сопоставимыми характеристиками в среднем 22 из 100 взрослых, нуждавшихся в консультации врача или лечении в первые 12 месяцев пандемии, не сумели их получить. Средние показатели по ЕС лишь немногим ниже, и они остались, по сути, неизменными даже весной 2022 года. В некоторых странах эта доля даже увеличилась (Eurofound, “Living, working and Covid-19”).

“Неудовлетворённые медицинские потребности” (*unmet medical care needs*) по большей части характеризуют взрослых с хроническими болезнями, которые были вынуждены перенести базовые услуги или вовсе отказаться от них. Однако специализированные медицинские услуги и программы превентивной медицины тоже оказались нарушены. В 2020 году в 31 стране ОЭСР было проведено на 4 млн диагностических процедур (МРТ и компьютерная томография) и на 7 млн плановых операций в офтальмологии, ортопедии и кардиологии меньше, чем в 2019-ом (ОЭСР, *op. cit.*). Доля непредоставленного лечения отличается от страны к стране. Например, в 2020 году количество операций на опухолях уменьшилось по сравнению с 2019-м на 25,7 % в Великобритании, на 14,9 % в Италии, на 8,6 % во Франции и на 6,5 % в Германии (OECD, “Health at a Glance: Europe 2022”).

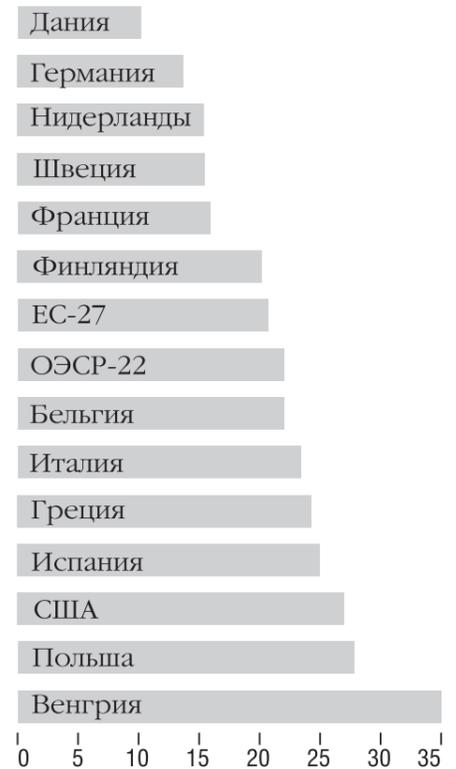
В Европе 23 % взрослых, нуждающихся в лечении психических расстройств, не получили его весной 2022 года, по сравнению с 20 % весной 2021-го, а в случае молодёжи ситуация ещё более тяжёлая (*ibid.*). Скрининг для заблаговременного обнаружения рака сократился в большинстве стран-членов ОЭСР. Маммография в 2021 году проводилась в среднем на 5 % реже, и лишь несколько стран (например, Дания, Финляндия и Южная Корея) сумели сохранить уровень 2019 года (OECD, “Health at a Glance: Europe 2023”). Европейская организация рака (ЕО) подсчитала, что в первый год пандемии в Европе оказались пропущены 100 млн скринингов рака и что в 1 млн случаев пациентам не был поставлен диагноз (10.05.2021).

Здоровье в долг

“Неудовлетворённые медицинские потребности” были бременем для систем здравоохранения в течение долгого времени, но, согласно данным Eurostat, в последнее десятилетие они частично сократились. Это наследство, на разбор которого потребуются годы. Из опросов можно наблюдать три главных причины недостаточного доступа к медицинским услугам, которые являются косвенным выражением неравенства в доступе к лечению: время ожидания, цена и расстояние.

В большинстве стран ОЭСР санитарный кризис удлинит очереди нуждающихся в лечении. Длинная очередь может означать отказ от лечения или его завышенную стоимость; доля не получивших лечение выше среди слоёв с низкими доходами, которые не могут позволить себе частную медицину (Eu-

НЕПРЕДОСТАВЛЕННОЕ ЛЕЧЕНИЕ

Процентная доля взрослого населения, нуждавшегося в консультации или лечении, но не сумевшего их получить в течение первого года пандемии (февраль 2020 – март 2021). Выборка стран.

Источник: Eurofound, “Living, Working and Covid-19”; US Census Bureau.

rostat, “Unmet health care needs statistics”). В среднем в странах ОЭСР уже почти пятая часть медицинских услуг оплачивается напрямую семьями. В ЕС она составляет 15 %, в Италии – 22 %, в Германии – 12 %, во Франции – 10 %.

В 2021 году группа экспертов, которым Большая двадцатка поручила проанализировать ответ на пандемию, призвала крупные державы инвестировать в мировое здравоохранение, чтобы заполнить лакуны «опасно недофинансируемой» системы. Но государства отвергают требование направить больше ресурсов на то, чтобы реорганизовать системы здравоохранения, приспособить инфраструктуру, заполнить недостаток медицинского персонала, а в то же время потребности растут с увеличением доли пожилого населения и, следовательно, числа хронических заболеваний.

В среднем в странах ОЭСР доля государственных расходов на здравоохранение до пандемии составляла 8,8 % ВВП и оставалась почти неизменной с 2013 года. После её увеличения где-то на 1 процентный пункт в связи с тратами во время пандемии в 2022 году она сократилась на 0,5 пункта, а в 11 странах, как оценивается, даже упала ниже допандемического уровня.

Economist Intelligence Unit предсказал падение реальных глобальных трат на здравоохранение в 2022–2023 годах. Разница между выделяемыми средствами и тратами создаст необходимость в Европе, а также в развитых азиатских странах, таких как Япония и Южная Корея, сократить некритические услуги, что удлинит очереди (“Health Care Outlook”, 2023). Состояние здоровья граждан, похоже, не является для правительств приоритетом.

Раймондо и Салливан между банкирами и “средним классом”

США – это федерация штатов, которые имеют различные экономические интересы, потакают порой противоположным экономическим линиям правительства и смотрят в сторону множества регионов мира, которые они считают своими внешними приоритетами. Такая неоднородность может приводить к столкновениям, и почётный профессор Университета Джона Хопкинса Майкл Мандельбаум в своей книге *“The Four Ages of American Foreign Policy”* (2022), проследил их наиболее драматичные моменты на протяжении всей американской истории.

Восточное побережье обращено к Европе, Западное очаровано Тихим океаном, а континентальные штаты, хотя иногда и проявляют воинственный пыл, исторически мало интересуются тем, что происходит за пределами Северной Америки. Уолтер Рассел Мид в своём значимом тексте об американской внешней политике (*“Special Providence”*, 2001) вспоминает, что во время первой мировой войны «матери из Небраски не хотели, чтобы их сыновья умирали на войне, которая, с их точки зрения, велась за то, чтобы англо-американские банкиры могли плавать в Англию на роскошных трансатлантических лайнерах». Даже во время второй мировой войны делегаты от Колорадо и Огайо в Конгрессе были против того, чтобы Америка интересовалась европейскими делами. На протяжении всего XX века Вашингтону приходилось заниматься нелёгким делом сведения воедино интересов «банкиров» и тех, кто обращался к жалобам «матерей» из Небраски, Колорадо и Огайо.

Сегодня же администрация выступила в поддержку Украины против России и проводит политику безопасности против Китая. Среди тех, кто старается обеспечить поддержку политики правительства со стороны континентальной Америки, можно назвать советника президента по национальной безопасности Джейка Салливана и министра торговли Джину Раймондо.

“Миннесотец” в Вашингтоне

Джейк Салливан родился в Вермонте в 1976 г., но семья переехала на Средний Запад, когда отец Джейка, редактор *Star Tribune*, стал профессором в Школе журналистики при Университете Миннесоты. Его мать тоже работала в сфере образования, и все пятеро детей закончили или Йельский университет – как Джейк, – или Корнеллский. Джейк получил стипендию Родса по международным отношениям в Оксфорде и прошёл хорошую практику под началом судьи Верховного суда Стивена Брейера. После недолгой работы в юридической фирме Faegre & Benson он пошел в команду Эми Клобушар, сенатора от Миннесоты словенского происхождения, которая представила его Хиллари Клинтон, протолкнув на высочайший уровень американской политики.

По словам Бена Родса (*“The World as It Is”*), с праймериз 2008 г. и до назначения Клинтон госсекретарём Салливан делал для неё «всего понемногу – и лучше других»; когда Джон Керри сменил Клинтон на посту министра иностранных дел, Салливан стал советником по национальной безопасности при вице-президенте Байдене.

В 2015 г. Салливан женился на Маргарет Гудландер в кампусе Йельского университета, где они познакомились. На свадьбе присутствовали самые высокопоставленные представители истеблишмента Демократической партии: среди них Энтони Блинкен и, конечно, Хиллари Клинтон. Последняя, нацелившаяся на

пост президента, уже до этого обещала Салливану, что он станет самым молодым советником по национальной безопасности в истории, однако на выборах победил Трамп. Как раз после шока от победы Трампа многие демократы извлекли убеждение, что нужно найти способ, как «заставить лучше функционировать внешнюю политику США для среднего класса».

Об этом вспоминал и сам Салливан: «Я думаю, что кампания 2016 года повлияла на мой способ мышления, и речь не только о Трампе. Речь также о напряжённых дебатах, которые происходили на демократических праймериз». «Нужно было признать глубину убеждения столь большой части нашей страны, признать, что правительство работает не в их интересах». Разъединение между избирателями и политиками надо было вынести на обсуждение «во все кабинеты Белого дома, в том числе Situation Room».

Долгие годы на страницах нашей газеты мы анализировали, как рушится связь фракций господствующего класса с массовой базой их политики, необходимой для противостояния глобальным испытаниям. Листая их тексты, можно обнаружить – в терминах их ложного сознания, – как они думают с этим разбираться.

После поражения на выборах Салливан и многие другие аналитики провели исследование среднего класса в Колорадо, Небраске и Огайо, которые Салман Ахмед, ныне функционер Госдепартамента, опубликовал в сборнике *“Making U. S. Foreign Policy Work Better for the Middle Class”* (2018–2020).

Точкой отсчёта в докладе служит идея, что «после трёх десятилетий первенства США на международной арене американский средний класс находится в шатком положении». Отсюда следствие: «Соединённые Штаты должны иначе воспринять свою роль в мире, если они надеются на внутреннее обновление». Что касается внутреннего аспекта, «государственные инвестиции и целевые политики будут фундаментальными» для производственного сектора, от которого в значительной степени зависит средний класс. В небольшом разделе, посвящённом внешней политике, предлагается «разделить бремя» безопасности с союзниками, «рассматривать Китай прагматично и не считать геополитическое соперничество главным двигателем американской внешней политики». Китай одновременно является «угрозой безопасности, экономическим соперником, глобальным партнёром», поэтому подход к нему должен быть «более нюансированным»: исследователи призывают в первую очередь «отвергнуть недобросовестные торговые практики», а также предлагают вместе противодействовать «неконвенциональным угрозам» и «государствам-изгоям». Для этих целей, как гласит доклад, нужно координировать деятельность всех политических, экономических и военных ведомств администрации. По сути, такая координация – это амбициозная задача для Советника по национальной безопасности, которым сегодня является Салливан.

Итало-американка для крупных групп

Джина Раймондо занимает пост министра торговли. Ранее она прослужила два срока на посту губернатора Род-Айленда. Итало-американка и католичка с либеральными взглядами в этике, она считается «технократкой» и «чистой центристкой».

Мать двоих детей, она, как правило, делилась историей своей семьи во вре-

МАСЛО И ПУШКИ ДЛЯ “СРЕДНЕГО КЛАССА”

В книге *“Making U. S. Foreign Policy Work Better for the Middle Class”* некоторые тезисы исследователей подтверждают интервью с представителями «среднего квинтиля» континентальной Америки (с доходом от 42 до 148 тыс. долл.).

Производство – один из секторов, что «ещё предоставляет хорошо оплачиваемые рабочие места порядка двум третям рабочей силы без высшего образования», особенно на Среднем Западе. Потеря миллионов этих мест и концентрация основных благ глобализации в руках ограниченного числа людей породили «острую чувствительность к цене и неравенству выгод глобального лидерства США», хотя неясно, какое количество рабочих мест было потеряно напрямую из-за технологического прогресса. К тому же 2/3 среднего класса ещё рассматривают торговлю как возможность; отсюда вытекает: чтобы способствовать производительности промышленности и «малого бизнеса» и при этом не отказываться от возможностей, которые либерализм предоставляет наиболее экспортно ориентированным секторам, необходим не просто протекционизм, но также «фискальная политика» и мощная промышленная политика. Салливан сформулирует руководящие принципы «промышленной стратегии» за «новый консенсус» в апреле 2023 г. в речи в Бруклинском институте, которую мы уже анализировали в июньском номере газеты (Большая семёрка вызвана на сцену конфронтацией с Пекином // Пролетарский интернационализм. 2023. Июнь. № 105).

Салливан и другие авторы озвучивают ряд предупреждений. Политикам – сторонникам исключительности они говорят: «Нет никакой уверенности, что средний класс поддержит усилия, нацеленные на восстановление первенства в однопольном мире, эскалацию новой холодной войны с Китаем или ведение космической борьбы между демократиями мира и авторитарными правительствами». Экологистам они замечают: хотя «климатические изменения» молодёжь может считать «экзистенциальной угрозой», более всего – и особенно в сельской местности – «вызывают волнение экономические последствия политической реакции» на эти изменения. Наконец, тем, кто хотел бы расширить социальное обеспечение, сокращая военные расходы, они напоминают: военные траты гарантируют большое количество рабочих мест среднему классу и более чем 10 % занятости в 91 округе. На самом деле, замечает *Financial Times* от 29 марта, государственные закупки «пушек» гарантируют и наличие «масла». В частности, семьи военных резервистов имеют право на социальное обеспечение и образование; как и армия, резерв может служить «социальным лифтом», ведущим на самые высокие этажи администрации.

мя предвыборных выступлений: её отец, сын итальянского иммигранта, который выучил английский в библиотеке Провиденса, первым посетил колледж благодаря собственным усилиям и помощи своей семьи мясников, а также логотам участника второй мировой войны (*“GI Bill”*). Джина, родившаяся в 1971 году, закончила Йельскую школу права и стала работать в юридических фирмах венчурного капитала. В 2010 г., когда закрылись государственные библиотеки, в которых родилась американская мечта её деда, она решила подать в политику. Как отмечают в особенности республиканцы, Джина – икона госслужбы; с другой стороны, левые демократы вменяют ей в вину чрезмерную близость к крупным группам.

Раймондо является креатурой не демократических профсоюзных кругов Род-Айленда, а юридических фирм бизнеса. Избранная казначеем этого синего штата, она провела реструктуризацию пенсий, чем заслужила себе славу реформистки. Когда она выдвинула свою кандидатуру на выборах губернатора (2014), влиятельные тред-юнионы (пожарные, полицейские, сотрудники супермаркетов, коммунальщики) на праймериз поддержали её соперника. В 2018 г. Раймондо добивалась переизбрания, и на праймериз её конкурент, поддержанный левыми демократами Берни Сандерса, критиковал её как «корпоративистку»; она отвечала: демократы «стали партией анти-бизнеса, нам нужна партия труда». На выборах она получила достаточно голосов для переизбрания, хотя епископ Провиденса ставил ей в упрек «недостаточную моральную смелость» в отношении абортов. Раймондо оставила пост губернатора, чтобы стать министром торговли, и сегодня занимается мощной промышленной политикой администрации Байдена.

Ясли и чипы

В то время как война на Украине демонстрирует кризис мирового порядка в сердце Европы, а трения с Китаем выливаются в драму вокруг Тайваня,

«государственные инвестиции и целевые политики», используемые Салливаном, должны цементировать внутренний консенсус, в котором Вашингтон нуждается для противостояния международным испытаниям.

После колоссальных государственных инвестиций Закона об инфраструктуре и Закона о снижении инфляции (IRA) администрация Байдена приняла и Закон о чипах и науке с предложением «восстановить хребет Америки – средний класс». В своей последней речи о Положении Союза президент пообещал создать «рабочие места с зарплатой в 130 тысяч долларов в год, многие из которых не требуют высшего образования», благодаря чему «людям не придётся переезжать».

В разгаре соревнования между крупными группами за получение федеральной помощи и между штатами – за размещение предприятий на своей территории. В Европе и Азии союзники Вашингтона жалуются, что им отказали в субсидиях, и угрожают ответными шагами; Си Цзиньпин обвиняет эти меры в том, что они являются мерами «сдерживания, окружения и подавления Китая».

Financial Times (6 марта) комментирует: «В отсутствии координации между союзниками в войне субсидий может не оказаться победителей». Раймондо встречается с главами штатов, менеджерами и политиками союзных стран, чтобы ограничить дипломатический урон. Что касается Пекина, она, однако, объявляет, что получателями помощи в рамках Закона о чипах и науке будет запрещено инвестировать в Китай в течение 10 лет.

8 марта Раймондо объявила о «краеугольном камне»: в качестве «нового условия» доступа к долларам Закона о чипах и науке она требует обеспечить яслями детей сотрудников. Таким образом, пока китайские фрегаты плавают вблизи Тайваня, американский социал-империализм пытается вовлечь в международное противостояние «матерей из Небраски».

Призывная повестка

В декабре два крупных итальянских концерна, имеющих европейские связи, приступили к сокращению рабочего времени, введя четырёхдневную рабочую неделю вместо традиционной пятидневной. Это EssilorLuxottica, итало-французский транснациональный лидер в производстве очков, и Lamborghini, автомобильная компания, вошедшая в 1998 году в группу Volkswagen. В других крупных компаниях, например, на Leonardo, начаты соответствующие эксперименты.

Газета *Il Sole-24 Ore* от 2 декабря, комментируя соглашение Luxottica, вышла под заголовком: «Сокращённое рабочее время – это гибкость и производительность». Она намекает на то, что такой рецепт может быть выгоден и начальству.

Сокращение рабочего времени между историей и современностью

Сокращение рабочего времени остаётся историческим требованием рабочего движения, поскольку с ним связана крупнейшая международная инициатива нашего класса – Первомай. В нынешних условиях требование также учитывает последствия надвигающейся электрической и цифровой реструктуризации для занятости, особенно в автомобильном секторе, но не только там.

В Германии данная тема является предметом борьбы и дебатов. На данный момент в их центре находится борьба 80.000 сталеваров, которые добились сокращения рабочего времени с 35 до 32 часов (оплачиваются 33 часа), а также единовременной выплаты 3.000 евро в 2024 году и повышения зарплаты на 5,5 % с 2025-м. IG Metall пишет: «После введения в строй новых заводов для производства стали потребуются меньше рабочих часов».

В дебатах по поводу четырёхдневной недели сравниваются две модели. В случае простого перераспределения рабочего времени проблем не возникнет; но если, как в упомянутых случаях, речь идёт о сокращении рабочего времени за ту же зарплату, то недостатка в возражениях не будет, даже со стороны крупных газет. Газета предпринимателей *Handelsblatt* называет это предложение «популярным, но не очень применимым» (19 мая); социал-демократическая газета *Die Zeit* говорит, что «это было бы хорошо, но неправильно» (4 мая). Похоже, борьба будет нелёгкой.

Расслоённый класс

Стоит отметить, что в поддержку сокращения и перераспределения рабочего времени парадоксальным образом поднимается вопрос нехватки рабочей силы. Джо Хоффманн, до октября прошлого года занимавший пост президента IG Metall, заявил в интервью от 16 апреля: «Четырёхдневная неделя с той же оплатой труда могла бы внести значительный вклад в сохранение привлекательности [автомобильной] промышленности для молодёжи. [...] Это было бы верным средством решения проблемы нехватки рабочей силы». *Le Monde* (31 мая) рассказывает об опросе, проведённом страховой компанией HDI, согласно которому 75 % немецких рабочих хотели бы перейти на четырёхдневную рабочую неделю с той же оплатой, причём пик этого показателя приходится на тех, кому меньше 40 лет, и составляет 83 %. Это подтверждает,

что речь идёт о мере, направленной на привлечение молодёжи общества империалистической зрелости.

Но не стоит забывать, что это лишь одна из сторон положения нашего класса: другая заключается в том, что сохраняются большие слои работников с гораздо более продолжительным рабочим днём. По данным Евростата, в Италии насчитывается не менее 700–800 тысяч наёмных работников, которые трудятся более 48 часов в неделю. Газета *Il Sole* от 28 июля, сообщая эту цифру, называет её «пределом, который, безусловно, принадлежит двадцатому веку». Издание также напоминает, что этот показатель был закреплён более века назад, в первой конвенции Международной организации труда (МОТ) в 1919 году.

Гораздо больше тех, кто работает более 40 часов. Достаточно вспомнить, что, согласно исследованию Национального института анализа государственной политики (INAPP), в Италии 6 из 10 работников работают сверхурочно и ещё 1 из 6 (таким образом, порядка 3 миллионов) – без оплаты за переработку (10 февраля). Комментарий таков: «Мир труда становится всё более цифровым, стремительным и непрерывно развивающимся, но для большинства “традиционных” работников по-прежнему остаются нерешёнными проблемы распределения рабочего времени». И речь идёт о развитой метрополии. Не говоря уже о мировой периферии!

Женская сторона проблемы заработной платы

Из этих рассуждений можно сделать вывод о том, что для нашего класса характерно расслоение. Рабочее время – это один аспект. Заработная плата – другой. Общим фактом является то, что рост заработков не успевает за инфляцией. По данным ISTAT, за первые девять месяцев текущего года отставание составило 5 %. И здесь уже заметна разница: для тех, чьи контракты не были продлены, потери составляют 8 %. В еврозоне с февраля 2022 года, когда началась война на Украине, зарплаты выросли на 6 % меньше, чем инфляция (4 против 10).

Различия в оплате труда становятся значительными при сравнении разных секторов. На основании данных, опубликованных INPS в ноябре и относящихся к 2022 году, можно сделать следующий вывод: если принять среднюю дневную заработную плату за 100, то в финансовой и страховой деятельности она составляет 187, в обрабатывающей промышленности – 116, в строительстве – 94, в торговле – 91, в здравоохранении и социальной помощи – 75, в гостиничном деле и общественном питании – 40. Такое расслоение характерно не только для Италии: во Франции, согласно ноябрьской публикации статистического института INSEE, среднемесячная заработная плата в строительстве почти на 20 % ниже, чем в промышленности.

Разница в зарплате между мужчинами и женщинами видна повсюду. По данным различных национальных источников, в США она составляет 10 %, во Франции – 14 %, в Германии – 18 %, в Италии – до 30 %. Согласно вышеупомянутому исследованию INPS, разница составляет не менее 8.000 евро в год в «частном секторе вне сельского хозяйства, за исключением домашних работников», что является не-маловажным уточнением.

«Пришла!» – глаза к небу, вздох или восклицание. Те европейцы, кому меньше сорока лет, вряд ли помнят про призывную повестку, обязывавшую явиться на сборный пункт и затем на военную службу. Со второй половины 1990-х до начала 2000-х годов правительства многих европейских стран отменили или приостановили массовый призыв в армию. Это был импульс в рамках использования так называемых дивидендов мира: считалось, что распад СССР сделал обязательную воинскую повинность излишней. В условиях давления расходов на социальное обеспечение на государственные бюджеты было решено сконцентрировать ресурсы на профессиональных военных. Больше масла, меньше пушек.

Отставить, кругом! Война в Европе не только подталкивает к планам перевооружения, но и в окопах Украины демонстрирует возвращение к столкновению больших конвенциональных армий. Нужно больше самолётов, больше ракет, больше танков, больше пушек, больше боеприпасов. Но также и больше людей, которых можно послать на убой. В Германии считают, что отказ от призыва был ошибкой, но его исправление – это политическая и социальная головоломка. Изучается шведский средний путь: Стокгольм вернулся к обязательной воинской повинности, повестки рассылаются всем, мужчинам и женщинам, но на деле призыв пока осуществляется на добровольной основе. Тем временем Берлин продолжает реализацию своего плана по обновлению военных структур стоимостью в 100 миллиардов евро. Меньше масла и больше пушек, начинают писать газеты. Они указывают путь остальной Европе.

Есть и другой, более каверзный аспект, который касается человеческих голов. В конфликте между Россией и Украиной число погибших достигло, возможно, 150.000 человек; в Газе оно превысило 20.000. День за днём они трудятся над тем, чтобы мы приняли эти смерти как новую нормальность, как факт жизни, от которого необходимо бежать в укрытие крепости «Европа». Они также подготавливают почву с помощью иммиграционных законов; «щит, в котором мы нуждались», как выразился французский президент. До определённой степени Старая Европа станет мобилизованной, закрытой, но готовой к новым войнам в условиях кризиса порядка, щитом и копьём для европейского империализма в мировом споре. Это не то будущее, которого мы хотим. Предстоит борьба за революционный интернационализм против новых идеологий империалистического европеизма. Пришло время для ежедневной работы над мобилизацией рабочих кружков для привнесения коммунистического сознания.

Треть работников в Италии заняты неполный день, но цифры скрывают то, что среди женщин таких половина, а среди мужчин 20 %. В результате этого 53 % женщин зарабатывают менее 20.000 евро после уплаты налогов, в то время как средний показатель по стране составляет 20 %. Женский вопрос должен рассматриваться в соответствии с классовым принципом: он имеет выраженное, но часто упускаемое из виду содержание, связанное с заработной платой.

Иммигранты и дети

В этих случаях сокращённое рабочее время является синонимом пониженной заработной платы. Часто речь идёт и о настоящей бедности. Здесь следует отметить ещё один аспект расслоения нашего класса: иммиграцию. Вновь обращаясь к данным INPS, мы узнаём, что 36 % работников, не являющихся гражданами ЕС, имеет годовую зарплату менее 10.000 евро. Из данных ISTAT, с другой стороны, мы узнаём, что в абсолютной бедности находится 6,4 % семей, состоящих только из итальянцев, и 28,9 % семей, в которых есть хотя бы один иностранец, а также 14,7 % семей, в которых «глава семьи» является рабочим.

В «богатой» Германии ведутся споры о том, скольким детям грозит бедность: по оценкам статистического ведомства, это 24 % детей до 18 лет (и 24,7 % в среднем по ЕС). При этом наблюдается следующая динамика: в 2015 году более 80 %

этих детей было рождено среди немцев, сегодня – 50 % среди немцев и столько же среди иммигрантов.

В Германии, как и в Италии, а также по всему миру, иммигрант, работающий по найму, имеет более низкую зарплату: по оценкам, она составляет 60 % от средней.

Добровольчество солидарности и борьба за коммунизм

Такое расслоение класса требует от профсоюзов защиты условий труда и жизни всех наёмных работников, от самых высоких страт до самых обездоленных. Но здесь также существует поле деятельности для добровольчества солидарности, такой, как та, что продвигается рабочими кружками в отношении наиболее уязвимых слоёв населения: опыт показывает, что работники с низкой квалификацией, иммигранты и женщины, часто материально одиночки с детьми, являются одними из тех, кто наиболее нуждается в этом.

Факт остаётся фактом: и борьба за заработную плату, и добровольчество солидарности могут лишь облегчить состояние, которое является результатом развития капитализма, в центре которого лежит классовое разделение и отсутствие равновесия. Для устранения корня проблемы необходима политическая борьба против нынешнего общества, за высший социальный порядок – коммунистический.

Lotta comunista, декабрь 2023 г.

Учёные и шпионы охотятся за тяжёлой водой

Одно из малоизвестных событий в истории создания атомной бомбы – это передача в 1940 г. норвежской компанией Norsk Hydro мирового запаса тяжёлой воды Франции. К тому времени и французские, и немецкие физики считали, что тяжёлая вода является лучшим замедлителем для цепной реакции. Если американский проект “Манхэттен” опирался на графит, то французская атомная бомба стала результатом исследования тяжёлой воды и тех событий, о которых мы расскажем ниже.

Тяжёлая вода

При написании данной статьи мы в основном пользовались следующими книгами: Джим Бэгготт, “Тайная история атомной бомбы”; Роберт Юнг, “Ярче тысячи солнц”; Diana Preston, “Before the Fallout: From Marie Curie to Hiroshima”; Per F. Dahl, “Heavy Water and the Wartime Race for Nuclear Energy”; Olav Njølstad, Ole Kristian Grimnes, Joachim Rønneberg, Bertrand Goldschmidt, “The Race for Norwegian Heavy Water, 1940–1945”; Ричард Роудс, “Создание атомной бомбы”; Bertrand Goldschmidt, “International Conference on Nuclear Technology and Politics”.

В начале весны 1939 г. учёные промышленно развитых стран стали предупреждать свои правительства о важности урана в гражданской и военной сферах. Если лаборатории ядерной физики могли создать атомную бомбу, то физико-математические научные исследования превращались в мощное оружие, а наука теряла свою мнимую невинность и нейтралитет перед лицом трагических событий конфликтов между державами.

1 сентября 1939 г. Германия вторглась в Польшу, развязав вторую мировую войну. Два дня спустя британский премьер-министр Невилл Чемберлен объявил о вступлении в войну Великобритании. Затем это сделала Франция. Проживающие в Париже физики-ядерщики Фредерик Жолио-Кюри (1900–1958), Лев Коварский (1907–1979) и Ганс Генрих фон Хальбан (1908–1964) были призваны в армию, но остались в лабораториях для выполнения «специальных задач».

Только тяжёлая вода (с дейтерием вместо протия – обычного лёгкого изотопа водорода), бериллий и углерод в форме графита, как считалось, удовлетворяли условию получения вторичных нейтронов в количестве, необходимом для ядерной цепной реакции. Документ по этому вопросу был передан во Французскую академию наук 30 октября 1939 г. и оставался засекречен в течение 10 лет. Тяжёлая вода была дефицитной и дорогой, бериллий тоже, графит же необходимо было производить промышленным путём, чтобы получить его чистую форму. В итоге французские физики остановили свой выбор на тяжёлой воде, единственным производителем которой была Norsk Hydro, владеющая крупнейшей в Европе гидроэлектростанцией в Норвегии.

Norsk Hydro

В Норвегии нет больших перепадов высот, как в Альпах, зато есть круп-

ные озёра, обеспечивающие регулярный сток, благодаря этому в Норвегии затраты на гидроэнергетику ниже, чем в других странах.

Norsk Hydro обязана своему основанию норвежскому изобретению, фиксировавшему атмосферный азот с помощью электрической дуги. Азот был необходим для производства удобрений. В конце 1920-х гг. норвежская компания отказалась от этой технологии и перешла к немецкому методу Хабера – Боша (см. *L'esplosiva sintesi dell'ammoniaca // Lotta comunista*. 1992. Dicembre).

Для этого метода требовался водород, который в Германии получали из дефицитного в Норвегии угля. Компания Norsk Hydro посчитала, что экономически целесообразнее извлекать водород из воды с помощью электролиза. Для производства водорода – элемента, который может сыграть важную роль в энергетическом переходе, – тогда использовались те же методы, что и сегодня. Сейчас эта технология лишь усовершенствована.

К 1929 г. Norsk Hydro построила крупнейший в мире завод по производству водорода методом электролиза. Побочным продуктом была тяжёлая вода: 150 граммов на каждую тонну обычной воды. Norsk Hydro продавала её для научных целей, т. к. тогда учёные ещё не подозревали о её важности для атомной энергетики.

Четверть акций Norsk Hydro Electric Company принадлежала немецкой IG Farben и её швейцарскому филиалу IG Chemie в Базеле, ещё четверть – французскому банку Banque de Paris et des Pays-Bas.

Французская миссия

В начале декабря 1939 г. Германия начала проявлять интерес к тяжёлой воде Norsk Hydro, и в январе 1940 г. IG Farben обратилась к норвежской компании с просьбой увеличить её производство до 100 кг в месяц. 13 января 1940 г. представитель компании Norsk Hydro отправился в Париж, чтобы проинформировать Banque de Paris et des Pays-Bas о требованиях Германии.

Тогда же Жолио-Кюри сообщил министру вооружений Франции Раулю Дотри (1880–1951) о военном потенциале урана и тяжёлой воды. Дотри верил в науку и технологию: он считал, что современная война будет выигрываться в лабораториях, а не на поле боя. Он знал Жолио-Кюри и его научную репутацию, был впечатлён сообщениями учёного о военном и гражданском потенциале ядерной энергии и обещал ему неограниченную помощь.

Сопоставив информацию Жолио-Кюри с интересом Германии к тяжёлой воде, в феврале 1940 г. Дотри поручил Жаку Алье (1900–1979) возглавить секретную миссию с французскими агентами в Норвегии, чтобы договориться с компанией Norsk Hydro о предоставлении максимально возможного количества тяжёлой воды. Алье был директором Banque de Paris et des Pays-Bas, который, как мы видели, являлся акционером Norsk Hydro вместе с немецкой IG Farben.

Дотри объяснил Алье военное значение гонки за тяжёлой водой, Жолио-Кюри разъяснил детали. Тяжёлую воду нужно было поместить в контейнеры, не используя для сварки бор или кадмий. Жолио-Кюри дал Алье трубку с кадмием и сказал, что если контейнеры с тяжёлой водой окажутся в опасности и не будет времени их опорожнить, то он должен поместить немного этого вещества в каждый контейнер, что делает его содержимое непригодным для использования.

28 февраля 1940 года Алье поездом отправился в Амстердам с паспортом, в котором значилась фамилия его матери – Фрейсс. Он имел при себе два оперативных приказа. Один из них, подписанный Дотри, возлагал на него ответственность за выполнение секретной миссии от имени французского правительства и уполномочивал его обратиться за помощью к французским секретным агентам в Норвегии и Швеции. Во втором приказе, подписанном премьер-министром Эдуардом Даладье (1884–1970), говорилось, что сам премьер-министр делегирует его полномочиями вести переговоры с теми, кто владеет материалами, являющимися предметом его миссии, с тем, чтобы Франция получила как можно больше этих материалов.

При этом не уточнялось, с кем и о чём он должен вести переговоры: французское правительство давало ему карт-бланш.

Успех миссии

Миссия была секретной, но французские спецслужбы перехватили сообщение немецких спецслужб, в котором норвежской агентуре сообщалось о направляющемся в Норвегию французе Фрейссе, чьи цели были неясны.

2 марта 1940 г. Алье прибыл в нейтральную Швецию, где вступил в контакт с французской секретной службой, после чего отправился в Норвегию. Прибыв в Осло, он провёл тайную встречу с Акселем Обером (1873–1943), генеральным директором Norsk Hydro с 1926 года, когда он в сотрудничестве с IG Farben представил норвежской компании процесс Хабера – Боша для синтетического производства азота. Обер решил занять сторону англо-французских союзников против Германии; когда Алье сообщил, что тяжёлая вода необходима для обороны, Обер решил передать все её 185,5-килограммовые запасы французскому правительству, которое по завершении войны обязалось купить их или возратить. Он также согласился в случае успеха первого запланированного эксперимента зарезервировать за Францией всё будущее производство тяжёлой воды, которое при необходимости можно было увеличить в 5–10 раз.

Переговоры завершились 9 марта в Осло: Norsk Hydro предоставила Франции весь запас и отдала ей приоритет на будущее производство; взамен французские гарантировали норвежской компании 15 % прибыли от любых будущих технических разра-

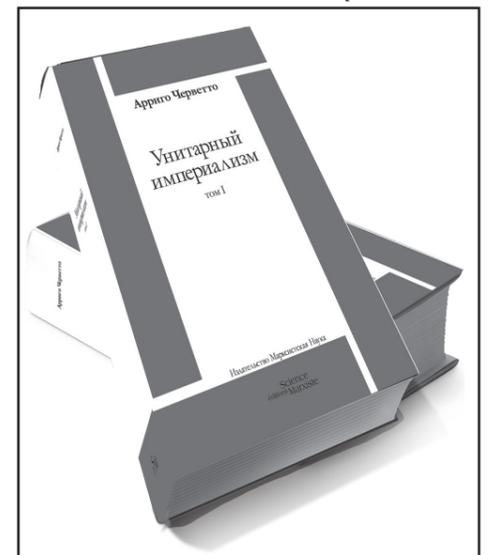
боток, связанных с использованием предоставленной тяжёлой воды.

Вода была помещена в 26 канистр объёмом 5 или 7 литров, изготовленных умелым ремесленником по заказу Жолио. Чтобы избежать угрозы со стороны подводных лодок, было решено использовать для транспортировки 2 самолёта: один без ценного груза должен был следовать в Амстердам, чтобы отвлечь внимание немцев, а нагруженный канистрами с тяжёлой водой – в Перт (Шотландия).

Алье вёл себя так, будто хотел отправиться в Амстердам, но в последний момент сел на самолёт в Шотландию вместе с одним из своих секретных агентов и 10 канистрами из 26. Остальные 16 отправились тем же маршрутом два дня спустя в сопровождении 2 других французских секретных агентов. Это был ловкий ход: немецкие самолёты перехватили самолёт, следовавший в Амстердам, заставив его сесть в Гамбурге, и остались без ценного вещества.

Из Шотландии тяжёлая вода была доставлена во Францию, и 16 или 18 марта, за 3 недели до вторжения Германии в Норвегию, помещена в подвал Коллеж-де-Франс. Там она оставалась недолго, поскольку 10 мая 1940 г. Германия вторглась во Францию.

Lotta comunista, апрель 2021 г.

Арриго Черветто
УНИТАРНЫЙ ИМПЕРИАЛИЗМ.
ТОМ 1

2005, 796 страниц,
суперобложка,
18 карт по тексту, примечания,
биографический справочник,
алфавитный указатель.

ISBN: 2-912639-14-X

УНИТАРНЫЙ ИМПЕРИАЛИЗМ.
ТОМ 2

2005, 736 страниц,
суперобложка,
21 карта по тексту, примечания,
биографический справочник,
алфавитный указатель.

ISBN: 2-912639-18-2

Цена каждого тома

300 руб.

Уран из Бельгийского Конго для первых атомных бомб

«Учёный, хочет он того или нет, выбирает партию, желая реализовать программу, поддержка которой зависит от государства, но в то же время он покидает храм безмятежной уверенности знания, чтобы столкнуться с неопределённостью действия» (Jean-Jacques Salomon, "Science et politique", 1970).

Французская физика отправляется на войну

Наука и техника являются результатом развития истории, в которой национальные особенности, международные отношения, институциональные формы и социальные факторы сливаются в единый процесс с историей отдельных личностей.

Во Франции существенный вклад в развитие ядерной физики внесла группа Фредерика Жолио-Кюри (1900–1958), зятя Марии Кюри (1867–1934), хотя катастрофическое поражение, нанесённое Германией, отложило французские ядерные проекты на период после 1945 года. Первая французская атомная бомба была взорвана в Сахаре 13 февраля 1960 года. С этого момента по 27 января 1996 года Франция провела 210 ядерных испытаний, из них 100 в атмосфере (Norris R., "French and Chinese Nuclear Weapon Testing", 1996).

Существует прямая связь между французской ядерной мощью и работами Марии и Пьера Кюри (1859–1906) по изучению радия, их дочери Ирен (1897–1956) и её мужа Фредерика Жолио-Кюри по изучению искусственной радиоактивности, Жолио-Кюри и его помощников Ганса фон Хальбана (1908–1964), Льва Коварского (1907–1979) и Франсиса Перрена (1901–1992) по изучению деления ядер и цепной реакции.

В условиях секретности в период с 1 по 4 мая 1939 года Жолио-Кюри, фон Хальбан, Коварский и Перрен получили 2 патента на производство ядерной энергии и на основные компоненты ядерного реактора, а также третий – на возможность использования урана для создания взрывного оружия. Патенты были зарегистрированы на имя Национального центра научных исследований (CNRS), основного спонсора исследований в Коллеж-де-Франс. Согласно реконструкции французского химика Бертрана Гольдшмидта (1912–2002), также одного из создателей французской атомной бомбы, 4 физика должны были получить по 5 % от возможной будущей прибыли, а остальные 80 % шли на научные исследования (Special Symposium, "50 Years of Nuclear Fission in Review", Canada, 1989). После войны вопрос о патентах стал предметом спора между CNRS и новым учреждением CEA (Комиссариат по атомной энергии), на котором мы остановимся подробнее.

Соглашение с Union Minière

Франция через Банк Парижа и Нидерланды поддерживала хорошие отношения с Горнопромышленным союзом Верхней Катанги (Union Minière). В 1939 году она обладала мировой монополией на производство радия: для добычи одного грамма радия требовалось три тонны оксида урана, а 65 % доказанных мировых запасов на-

ходились в Бельгийском Конго. В континентальной Европе главный рудник по добыче оксида урана находился под немецкой оккупацией в Яхимове (Санкт-Йоахимсталль), небольшом городке, который сейчас находится на территории Чехии. Из этой шахты получалась руда, использованная в экспериментах, которые привели к открытию радия Марией и Пьером Кюри.

4 мая 1939 г., в день регистрации первого патента в CNRS, Жолио-Кюри обратился к руководству Горнопромышленного союза с просьбой о встрече, и уже 8 мая встретился в Брюсселе с главным администратором компании Эдгаром Сенжье (1879–1963) и руководителем радиоподразделения Гюставом Лешиеном. Жолио-Кюри объяснил им новое значение оксида урана, который до сих пор считался бесполезным остатком, накапливающимся тысячами тонн в качестве отходов при производстве радия. Французский физик сообщил бельгийцам о работах в Коллеж-де-Франс по получению электричества из этого материала (Dahl Per F., "Heavy Water and the Wartime Race for Nuclear Energy", 1999).

Французы предложили совместную эксплуатацию, но руководители Горнопромышленного союза, хотя и показали свою заинтересованность, решили проконсультироваться с британскими властями. 10 мая Сенжье отправился в Лондон, где встретился с лордом Стоунхейвеном (1874–1941), британским вице-президентом Горнопромышленного союза, с послом Бельгии в Великобритании и с сэром Генри Тизардом (1885–1959), главным научным советником британского правительства и председателем Комитета по аэронавтическим исследованиям при Министерстве авиации. По результатам встречи было решено, что о любой закупке оксида урана должно быть сообщено британскому правительству; кроме того, Великобритания получит тонну оксида урана для проведения экспериментов по ядерному распаду. Перед расставанием Тизард сказал Сенжье: «Будьте осторожны и никогда не забывайте, что в ваших руках находится нечто, что может означать катастрофу для вашей страны, если этот материал попадёт в руки вероятного противника» (Dahl Per F. Op. cit.).

Через три дня, 13 мая, находясь под сильным впечатлением от оценки Тизарда и стратегической ценности рудников Катанги, руководители Горнопромышленного союза встретились в Париже с французскими физиками и руководителями CNRS: было подписано предварительное соглашение, так и не ратифицированное из-за начала войны, согласно которому, во Францию поставлялось 5 тонн оксида урана для предварительных экспериментов и ещё 50 тонн для полномасштабных испытаний. При подписании соглашения обсуждалась также подготовка экспериментального атомного взрыва в пустыне Сахара, который состоялся только через 21 год (Pinault M., "Frédéric Joliot-Curie", 2000).

Соглашение предусматривало, что Горнопромышленный союз предоставит уран и технический персонал для

строительства промышленных установок, а CNRS – патенты и учёных. Таким образом, летом 1939 г. в глобальной гонке за использование атомной энергии французские физики получили преимущество перед командой Энрико Ферми (1901–1954) и Лео Силарда (1898–1964) из Колумбийского университета в США, поскольку последним удалось получить первые тонны оксида урана только во второй половине 1941 года.

Первые эксперименты

В июне 1939 года во Францию прибыли первые 5 тонн обещанного оксида урана, и эксперименты можно было начинать. Ещё 3 тонны прибыли в апреле 1940-го, незадолго до вторжения Германии.

В большой ёмкости диаметром 3 м и высотой 2,5 м оксид урана был погружён в обычную воду: к августу 1939 года французские физики зафиксировали увеличение количества делений урана, но в объёме, недостаточном для поддержания самоподдерживающейся цепной реакции (Baggott J., "Atomic: The First War of Physics", 2009). Ганс фон Хальбан, работавший в 1937 г. над поглощением нейтронов в дейтерии (тяжёлой воде) в Институте Нильса Бора (1885–1962) в Копенгагене, посоветовал, что тяжёлая вода будет лучшим замедлителем, чем обычная вода. Этот совет был подтверждён тем, что в то же время немецкие физики проявляли интерес к запасам тяжёлой воды на установке Norsk Hydro в Норвегии. История урана переплетается с историей тяжёлой воды.

3 сентября 1939 года Франция объявила войну Германии после нападения последней на Польшу. Для того чтобы управлять большими количествами оксида урана и проводить свои эксперименты, Жолио-Кюри требовались огромные финансовые и промышленные ресурсы, для получения которых необходимо было заручиться поддержкой правительства и военных. Работа Жолио-Кюри во Франции воплотила в себе пересечение науки, промышленности, политической и военной власти ещё раньше, чем проект "Манхэттен" Роберта Оппенгеймера (1904–1967) в США.

Эксперименты французских физиков-ядерщиков были прерваны 10 мая 1940 года, когда немецкая армия начала вторжение во Францию. Министр вооружений Франции Рауль Дотри (1880–1951) принял решение отправить запас оксида урана весом 8 тонн в Марокко, где его прятали до конца войны. После создания во Франции в октябре 1945 года Комиссариата по атомной энергии эти 8 тонн потребовались для создания первых 2 французских экспериментальных ядерных реакторов. Без оксида урана, спрятанного в Марокко, возможность обретения Францией ядерной независимости была бы заблокирована или даже отложена, поскольку после войны, в соответствии с Квебекским соглашением 1943 года о ядерном сотрудничестве между англичанами и американцами, весь западный оксид урана находился под англо-американской монополией. В мае 1940 г. Дотри

также приказал Жолио-Кюри, фон Хальбану и Коварскому выехать в Англию с тяжёлой водой и документами по их экспериментам.

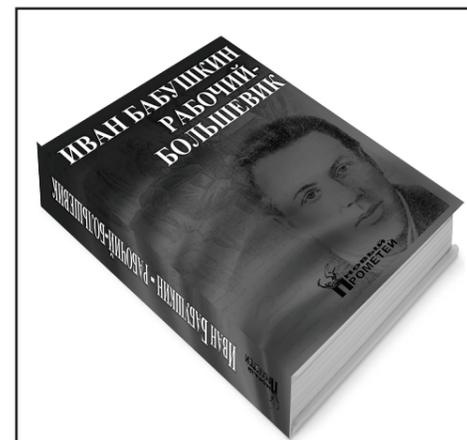
Влияние Франции на Англию и США

В 2007 году Королевское общество обнародовало документы, содержащиеся в 5 запечатанных конвертах, переданных британским учёным Гансом фон Хальбаном и Коварским в 1940 году по указанию Жолио-Кюри. В них было подробно описано, как построить ядерный реактор и производить плутоний из урана (BBC, 01.06.2007).

Беседа французских физиков с представителями Горнопромышленного союза в мае 1939-го сыграла решающую роль и для поставок урана Соединённым Штатам для проекта "Манхэттен", о чём сам Сенжье признавался в 1957 г. в письме к фон Хальбану: «Нет необходимости говорить, что эти беседы произвели на меня большое впечатление и привлекли моё самое серьёзное внимание к важности урана как потенциального материала для изготовления бомб, а также к опасности попадания урановой руды в руки вероятного противника [...], поэтому я отправил запас этого богатого минерала из Африки в Америку и предоставил его в распоряжение наших союзников» (Special Symposium, op. cit.). Одним словом, если бы Жолио-Кюри не убедил Сенжье, то оксид урана, который считался бесполезным, мог оказаться в руках немцев после оккупации Бельгии. Создание первых американских атомных бомб стало возможным благодаря поставкам в 1944 году 1,5 млн тонн оксида урана из Бельгийского Конго.

Мировые войны заставили учёных отказаться от двусмысленной позиции наднациональной науки: события заставили их встать на одну из сторон, и они стали инструментами политической и военной власти. Это был конец фикции о мнимой научной свободе.

Lotta comunista, октябрь 2021 г.

ИВАН БАБУШКИН РАБОЧИЙ-БОЛЬШЕВИК

2010, 204 страницы,
мягкий переплёт.
6 карт и 11 иллюстраций по тексту;
хронология,
биографический справочник,
алфавитный указатель.

ISBN 978-5-9901606-5-1

Цена 150 руб.

Энергетика и атомная бомба в немецких проектах

«Можно задаться вопросом, сможет ли человечество извлечь пользу из знания тайн природы, созрело ли оно для того, чтобы воспользоваться ими, или же это знание принесёт вред. Показателен пример открытия Нобеля: мощная взрывчатка позволила людям совершить замечательные дела, но она же была использована как страшное средство разрушения великими преступниками, которые тянут народы к войне. Я отношу себя к тем, кто считает, как и Нобель, что человечество от новых технологий получит больше пользы, чем вреда», – сказал Пьер Кюри (1859–1906), получая Нобелевскую премию по физике, которой он был удостоен вместе со своей женой Марией Кюри (1867–1934) и Антуаном Анри Беккерелем (1852–1908).

Германия и атомная бомба

О немецком проекте по созданию атомной бомбы во время второй мировой войны в интервью Стефании Маурици, опубликованном в газете *La Stampa* 28 августа 2002 года, говорил Карл Фридрих фон Вайцеккер (1912–2017), физик-ядерщик, ученик, друг и коллега Вернера Гейзенберга (1901–1976): «Очень скоро нам стало понятно, что это оружие в принципе может существовать, и, ожидая, что англичане и американцы захотят его создать, мы решили, что Германия должна обладать этой же возможностью». На вопрос: «Почему вы не создали бомбу?», – фон Вайцеккер ответил: «Не хватало необходимых ресурсов. Считаю, что на бомбу американцы потратили в тысячу раз больше, чем мы в Германии. Мы столько и не могли. Нас очень удивило, как быстро американцы справились с созданием бомбы».

Во вторую мировую войну над созданием атомной бомбы работали физики из всех ведущих стран мира. То, что преуспели только американцы, было обусловлено более высокой промышленной мощью США. Когда была доказана возможность создания бомбы, взаимные страхи мотивировали решения политических и военных лидеров воюющих держав, обеспокоенных словами тех же ядерных физиков о реализуемости «супербомбы».

Французские физики Фредерик Жолио-Кюри (1900–1958), Ганс фон Хальбан (1908–1964) и Лев Коварский (1907–1979) обобщили доказательства цепной реакции в журнале *Nature* от 19 марта 1939 года. Вскоре после этого, 29 апреля, в Германии Абрахам Эзау (1884–1955), президент Немецкого института по стандартизации и руководитель секции физики Германского исследовательского совета, рекомендовал проект по исследованию урана. Для изучения возможности атомной энергии был создан Урановый клуб (Uranverein), в который вошли ведущие немецкие физики-ядерщики. Ему также поручили сохранить запасы урана в Германии и запретить его экспорт.

За несколько дней до этого, 24 апреля, гамбургский химик Пауль Хартек (1902–1985) и его ассистент написали в военное министерство Германии: «Мы берём на себя смелость обратить Ваше внимание на новейшие достижения ядерной физики, которые,

по нашему мнению, позволят создать гораздо более мощную взрывчатку по сравнению с обычной. Страна, которая первой обзаведётся таковой, получит неоспоримое преимущество перед остальными» (Irving D., *“The Virus House”*, 1967).

После этого письма немецкие военные начали собственный проект по исследованию урана под руководством физика Курта Дибнера (1905–1964). Все годы войны между армией и Uranverein шла борьба за скудные запасы урана и тяжёлой воды. Около 50 учёных работало в одном или другом институте, не имея значительной координации друг с другом (Atkins S. E., *“Historical Encyclopedia of Atomic Energy”*, 2000).

Задачей Uranverein было изучение возможности использования ядерной энергии в реакторах, которые могли быть установлены на подводные лодки и даже самолёты. Атомная бомба также была в повестке дня. Из-за географической близости Германии британцы опасались не только гипотетической атомной бомбы, но и радиоактивного материала в качестве отравляющего вещества. Джеймс Б. Конант (1893–1978), председатель Национального исследовательского комитета по вопросам обороны США, рапортовал 1 июля 1943 года, что немцы, вероятно, произведут большое количество радиоактивных материалов, которыми разбомбят город вроде Лондона, принудив население к эвакуации.

При описании ядерных исследований во время второй мировой войны их часто сводят лишь к созданию атомной бомбы, однако физики воюющих держав стремились также создать ядерные реакторы для подводных лодок, кораблей и даже самолётов. Гражданские и военные власти опасались не только бомбы, но и использования вредоносных радиоактивных материалов.

Остановка немецких проектов

В своей важной книге *“Quantum Generation”* датский историк науки, доктор философии и физики, профессор Корнельского Университета, университетов Осло и Орхуса (Дания), а также Института Нильса Бора при Копенгагенском университете Хельге Крагх утверждает, что в первые два года войны исследования урана в Германии были на том же уровне, что в Великобритании и США. Лишь после 1942 года немецкие военные отчасти потеряли интерес к возможному использованию атомной энергии. Немецкие учёные уступали своим американским коллегам в создании атомной бомбы, и причина кроется не в моральных качествах или малом профессионализме германских учёных, не в нерешительности властей и военных использовать науку в своих целях, а в оскудении экономических сил Германии.

Решение о малой приоритетности ядерных исследований (осень 1942 г.) и об отказе от идеи атомной бомбы следует рассматривать в общем контексте хода войны, так как после начала операции «Барбаросса» (июнь 1941 г.) немецкие войска увязли в СССР. В Сталин-

градской битве, шедшей с лета 1942 г. по 2 февраля 1943 г., немецкая армия потеряла 1 млн солдат – это было её первое крупное поражение, и как раз в те месяцы решилась судьба ядерной программы.

“Virus Haus”

Производство бомбы требовало огромных ресурсов, которых у Германии не было. Министр вооружений Альберт Шпеер (1905–1981) писал в мемуарах: «По совету немецких физиков-ядерщиков мы отказались от плана разработки ядерной бомбы к осени 1942 г., после чего я снова задал вопрос о сроках и сказал, что мы не рассчитываем справиться за три-четыре года. Война, конечно, закончилась бы раньше» (*“The Race for Norwegian Heavy Water, 1940–1945”*, Norwegian Institute for Defence Studies, 1995).

В июле 1940 г. в Германии на территории Института биологии и исследования вирусов имени кайзера Вильгельма при Институте физики города Далем, пригорода Берлина, была построена небольшая деревянная лаборатория. Она получила кодовое название “Virus Haus” (дом вирусов), чтобы отпугивать незваных гостей. В декабре 1940 г. в этой лаборатории Гайзенберг и фон Вайцеккер начали свои эксперименты. В круглой бетонной яме два метра глубиной можно было поместить экспериментальный реактор. Канава, заполненная водой, должна была играть роль щита: защищать физиков, отталкивая нейтроны в центр реактора, что продлевало цепную реакцию.

Опыт показал, что обычная вода недостаточно замедляет цепную реакцию – выбор был сделан в пользу тяжёлой воды. В сентябре 1941 г., используя 180 литров тяжёлой воды, Гейзенберг обнаружил достаточную нейтронную активность и решил, что он на верном пути (Atkins S. E., *op. cit.*). В результате этих экспериментов тяжёлая вода оказалась в центре военных ядерных исследований в Германии.

Саботаж против Norsk Hydro

В апреле – июне 1940 г. Германия стремительно оккупировала Норвегию и взяла под контроль объекты компании Norsk Hydro в Веморке (город Рjukan), единственное в мире производство тяжёлой воды в промышленных масштабах. С осени 1942 г. по февраль 1944 г. союзники провели четыре военных операции против этих объектов. В беллетризованном виде они показаны в фильме 1965 года “Герои Телемарка”. Эти операции подробно описаны в документе “Операции Союзников с тяжёлой водой в Рjukanе”, представленном 16–18 июня 1993 г. на Международной конференции по ядерным технологиям и политике в Рjukanе.

Первый акт саботажа был осуществлён 19 ноября 1942 г.: два самолёта из Шотландии сбросили два планёра с 34 британскими солдатами. Они должны были приземлиться в 30 км к западу от Рjukanа, соединиться с авангардом норвежских военных, которые должны были привести их к производству тяжёлой

воды в Веморке, чтобы взорвать его. Акция закончилась катастрофой: все солдаты погибли.

Вторая диверсия прошла 28 февраля 1943 г.: десять норвежских парашютистов спустились с гор, пересекли долину и, добравшись до завода, частично его разрушили – производство застыло на 5 месяцев.

Третья операция состоялась 16 ноября 1943 г.: американцы бомбили объекты в Веморке с помощью 173 самолётов B-17 и B-24 и сильно повредили электростанцию, но производство тяжёлой воды не пострадало. После этого немцы решили прекратить работы в Веморке и отправить запасы тяжёлой воды в Германию.

Четвёртая и последняя акция была организована 20 февраля 1944 г.: норвежские диверсанты потопили паром, куда погрузили тяжёлую воду для отправки в Германию. В результате дерзкой диверсии погибло 10 норвежцев и 4 немца.

В конце 1944 года немцы решили демонтировать завод Norsk Hydro и перевезти его в Германию. За время войны Германия получила всего 2,5 тонны тяжёлой воды: без успешных диверсий она получила бы вдвое больше.

Англичане и американцы беспокоились из-за немецких ядерных программ не из-за конкретных сведений, а из-за проекций собственных планов. Поскольку они задумали атомную бомбу, то считали, что у Германии цель аналогичная. Но диверсии на предприятиях Norsk Hydro не влияли на немецкий проект атомной бомбы, так как по изложенным выше причинам от него отказались ещё до осени 1942 г.

Однако ядерные исследования немецких физиков не прерывались: даже в огне войны и под бомбёжками они продолжали эксперименты по созданию ядерного реактора для подводных лодок и промышленности, пытались сохранить свои позиции в научном соревновании с физиками других стран.

Lotta comunista, декабрь 2021 г.

Арриго Черветто

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ОБОЛОЧКА

326 страниц, мягкий переплёт,
примечания, биографический
справочник, алфавитный указатель.

ISBN: 978-2-912639-28-8

Цена 250 руб.

Пьер и Мария Кюри

В 1903 году Мария (1867–1934) и Пьер Кюри (1859–1906) вместе с Антуаном Анри Беккерелем (1852–1908) были удостоены Нобелевской премии за открытие радиоактивности.

Мария Склодовская-Кюри была полькой и натурализованной француженкой, Пьер Кюри и Беккерель – французами. Их открытия положили начало истории ядерной энергетики.

Важность научного инструмента

Радиоактивность – это явление, при котором нестабильные ядра одних веществ самопроизвольно превращаются в ядра других, испуская частицы и энергию. Изучение радиоактивности Пьером и Марией Кюри иллюстрирует динамику научных открытий до начала индустриализации науки.

«Простые моменты процесса труда следующие: целесообразная деятельность, или самый труд, предмет труда и средства труда»¹. Открытие радия в декабре 1898 года стало результатом напряжённой и длительной работы Марии Кюри по поиску происхождения «урановых лучей», названных так их первооткрывателем Беккерелем. Предметом работы были минералы, содержащие радиоактивные вещества, средством – научный прибор, разработанный Пьером Кюри. Открытие радия стало результатом сотрудничества в разделении труда между супругами Кюри, женой-химиком и мужем – экспериментальным физиком: без помощи и научных приборов Пьера Мария не смогла бы вычленивать радий, однако сегодня Пьер известен мало, в то время как Мария знаменита (Hurwic A., *“Pierre Curie”*, 1995). Что касается тесных взаимоотношений между ними, Мария Кюри пишет: «Наша работа сблизжала нас всё больше и больше, так что в какой-то момент мы оба уверились, что ни один из нас не смог бы найти лучшего спутника жизни».

История научных открытий и идей неотделима от истории научного инструментария. Луи де Бройль (1892–1987), французский физик, впервые постулировавший волновые свойства электрона, считал: «Предоставленная сама себе, теоретическая наука склонна почитать на лаврах; но эксперимент, который становится всё более точным и тонким, с каждым днём всё яснее демонстрирует нам, что “много в мире есть того, что вашей философии не снилось” (Шекспир, “Гамлет”), и поэтому научный инструмент является одним из важнейших интеллектуальных достижений».

Великий представитель немецкой науки XIX века Герман фон Гельмгольц (1821–1894) утверждал, что «часто больше интеллектуальных усилий тратится на то, чтобы заставить прибор правильно работать, чем на создание теории, для проверки которой этот прибор был предназначен» (Sydenham P. H., *“Measuring Instruments: Tools of Knowledge and Control”*, 1979). Пьер и Мария Кюри начали историю радиоактивности как великие мастера науки в то время, когда все физики проектировали и создавали измерительные приборы своими руками.

Супруги Кюри

При описании основных черт жизни Пьера Кюри мы использовали следу-

ющие источники: Мария Кюри, *“Пьер Кюри”* (1923); Anna Hurwic, *“Pierre Curie”* (1995); James J. Crowther, *“Six Great Scientists”* (1995); Susan Quinn, *“Marie Curie: A Life”* (1995).

В 1906 году, когда Пьер погиб, сбитый каретой, супруги Кюри имели одинаковую известность, и никто из них не думал делить на части общую славу. До встречи со своей будущей женой Марией Склодовской Пьер уже был известным учёным, автором достаточно значимых работ, чтобы занять достойное место в истории науки. Убеждённый в пользе научного прогресса, он одним из первых осознал опасность науки в зависимости от того, кто её использует, о чём он сказал в своей речи на вручении Нобелевской премии².

Летом 1894 года инициатором исключительно научной встречи Пьера и Марии стал польский физик из Фрайбургского университета Юзеф Веруш-Ковальский, который был знаком с Марией ещё по работе в Польше. В Париже Общество содействия национальной промышленности заказало Марии исследование магнитных свойств различных видов стали; когда Ковальский пришёл к ней, он вспомнил о Пьере Кюри, который неподалеку проводил важные исследования в области магнетизма.

Семья Пьера Кюри

Пьер и Мария были похожи характерами: оба выросли в семьях, более богатых образованием, нежели финансовыми возможностями, их отцы не смогли сделать карьеру из-за своих политических убеждений и передали любовь к науке своим детям. 26 июля 1895 года Пьер и Мария поженились. Оба были преданы своему делу, ими двигала позитивистская вера в науку как цель их жизни.

Отказ Пьера от карьеризма коренился в истории его семьи. Он родился 15 мая 1859 года, был вторым сыном Эжена Кюри. Его дед Поль Кюри (1799–1853), врач и правоверный католик, занимал в эльзасском городе Мюлузе престижное положение в обществе до того дня, когда он перешёл в сенсимонизм – новую светскую альтернативу христианству.

Эжен Кюри (1827–1910) пошёл по стопам отца, стал врачом, поддерживал республиканское дело эгалитаризма и участвовал в революции 1848 года. Когда Париж охватила эпидемия холеры, он переехал в район города, покинутый другими врачами, чтобы лечить больных. В 1871 году он встал на сторону Коммуны, превратив квартиру семьи в клинику для коммунаров, получивших ранения на баррикадах. Пьер, которому было всего 12 лет, вместе с братом ходил по кварталам в поисках раненых. Радикальное прошлое Эжена вызвало неприязнь к нему со стороны высокопоставленных клиентов, что заставило его оставить свою профессию и стать учителем.

Характеризуя Пьера Кюри, историк науки Кроутер рисует его рассудительной и бескомпромиссной личностью. Его отец, принадлежавший сенсимонистско-позитивистской традиции, не отдал ребёнка в школу, а дал ему образование самостоятельно (в те годы во Франции школьное образование не было обязательным). В возрасте 16 лет Пьер сдал вступительные экзамены в Сорбонну, а в 18 стал бакалавром наук.

Он сделал важные научные открытия, но его нетрадиционное образование не позволило ему усвоить традиции и обычаи других учёных Академии наук и затруднило совместную работу с ними. Он не обучался ни в Высшей нормальной школе, ни в Политехническом институте – двух великих учебных заведений, через которые прошли почти все французские учёные.

Он не потрудился получить докторскую степень, что было обязательным условием для карьеры во французских научных кругах. Он стал ассистентом по физике в Муниципальной школе промышленных физики и химии (EPCF), ориентированной на подготовку кадров для промышленности (сегодня по своему уровню она соответствует техникуму). Он считал, что успех должен быть обусловлен его собственными способностями, а не академическими манёврами, которые, по его мнению, были уделом посредственностей.

Вместе со своим братом Жаком Пьер систематически изучал кристаллы и в 1880 году пришёл к важному открытию «пьезоэлектричества» – явления, имеющего множество применений от зажигания до микрофонов, телекоммуникаций, сонаров и УЗИ. При сжатии кристаллов они дают электричество, отсюда и название пьезоэлектричества (от греческого *piezen* – сильно давить). Это открытие позволило двум братьям Кюри создать прибор на «пьезокварце», способный измерять мельчайшие электрические заряды. Он будет необходим для тонких измерений, которые приведут Марию Кюри к открытию радия.

Открытия и изобретения Пьера Кюри были признаны лидером мировой науки того времени сэром Уильямом Томсоном, лордом Кельвином (1824–1907). Французский физик послал шотландскому физiku один из своих приборов, а тот в ответ похвалил его. Между ними завязалась научная переписка, и во время поездки в Париж осенью 1893 года лорд Кельвин посетил лабораторию Пьера.

Радий: общее открытие

Это были годы начала электрификации: электричество подавалось на лифты Эйфелевой башни с момента её постройки, а в 1897 году на улицах Парижа электрическое освещение стало заменять газовое.

В 1895 году в Германии Вильгельм Конрад Рентген (1845–1923) открыл рентгеновские лучи, а в следующем году Беккерель – странные лучи, испускаемые солями урана, которые он назвал «урановыми лучами». Последними интересовались немногие учёные (в Академии наук было представлено всего четыре статьи): они не могли запечатлеть на фотопластинке очертания скелета руки, в отличие от рентгеновских лучей, по которым было представлено более ста работ. То, что исследования Беккереля были обойдены вниманием учёных, стало одной из причин, по которой Мария Кюри при поддержке своего мужа выбрала эту тему в качестве своей докторской диссертации. «Эта тема показала нам чрезвычайно привлекательность, тем более что она касалась совершенно нового вопроса, по которому ещё ничего не было написано», – писала впоследствии Мария Кюри.

Возможно, на супругов оказали влияние работы лорда Кельвина. 73-летний учёный обнаружил, что урановые лучи «электризуют» воздух, и Кюри, читавшие все научные публикации, выходящие на английском и немецком языках, могли видеть его статьи об «электризации воздуха ураном и его соединениями». Когда зимой 1897 года Мария Кюри приступила к исследованиям, она начала с того места, на котором остановился лорд Кельвин.

О том, как она проводила этот эксперимент, подробно рассказывает Сюзан Куинн в своей книге *“Marie Curie: A Life”*. Хотя с самого начала было установлено, что исследовательский проект принадлежит ей, Мария никогда не была одинока в его проведении. Первые шесть недель лучи Беккереля заботили Пьера не меньше, чем его жену. В этот период супруги разработали новый метод химического анализа, основанный на точном измерении характеристик излучения.

Точность измерений Марии во многом определялась использованием изобретённых Пьером приборов – электрометра и пьезокварца. Их анализ был сосредоточен на минерале настуран, который оказался гораздо более радиоактивным в сравнении с количеством содержащихся в нём урана и тория: за его свойствами должно было стоять что-то ещё. В июле 1898 года Мария и Пьер идентифицировали вещество в 300 раз более активное, чем уран, – полоний, названный так в честь страны происхождения учёной. В конце ноября 1898-го они получили вещество на основе бария, уровень радиоактивности которого был в 900 раз выше, чем у урана. Около 20 декабря Пьер записал в своём блокноте: «Радий». Для окончательного завершения экспериментальных исследований новый элемент необходимо было вычленивать из других веществ, содержащихся в настуране, и вычислить его относительную атомную массу, чтобы внести его в периодическую таблицу химических элементов.

Открытие нового элемента радия стало поворотным моментом в сотрудничестве супругов: до этого момента их роли были практически взаимозаменяемы; в лабораторных дневниках записи Марии смешивались с записями Пьера. С этого момента Мария, будучи химиком по образованию, посвятила себя сложной задаче вычленения радия – это была её «целенаправленная деятельность», за которую Пьер, по его собственным словам, никогда бы не взялся. Будучи физиком, он сосредоточился на изучении явления радиоактивности, пытаясь понять его значение.

История открытия радия, с которого началась история атомной энергетики, демонстрирует силу не только комбинации идей и научных приборов, но и сотрудничества в разделении труда между двумя учёными. При жизни супруги Кюри никогда не соглашались на то, чтобы их разделяли при оценке их открытий.

Lotta comunista, январь 2022 г.

1 – Маркс К. и Энгельс Ф. Собр. Соч. Изд. 2-е. Т. 23. С. 189.

2 – См. в этом приложении статью «Энергия и бомба в немецких проектах».